

資料

「過去振り返り, 現状考察」
亡命ロシア人の親日派
パーヴェル・ワスケーヴィチの回想録

ポダルコ・ピョートル*

Summary

**“From the Past with Respect to the Present: To the Memory of
Admiral S. O. Makarov and of the 50th Anniversary of
Russo-Japanese War” (Reminiscences by Pavel Vaskevich)**

This paper is a first full publication of the manuscript written by the late Pavel Vaskevich (1876–1958), who can also be called “the first Russian Japanologist.” He himself was by nature a very gifted person, who served his country (then Czarist Russia) in various fields throughout the first quarter of the 20th century. In his youth, Vaskevich also wrote some research papers about Japan and the Japanese people, which are still valuable today. Vaskevich was an interpreter for the Russian Army during the Russo-Japanese War (1904–1905). Later he served as a diplomat in Korea, Japan and China, where he was the last Russian Consul of Dairen until 1925. Vaskevich retired in Kobe, Japan, where in later years he wrote his memoirs, in which he described almost his entire life, starting with his youth, with special emphasis on Japanese things, including a few interesting episodes of the modern history of Russo-Japanese relations, which are still mostly unknown to the public, and gave his own vision of modern society and the world

---

* 青山学院大学 国際政治経済学部 教授

order after the Second World War. After completing the writing of the manuscript in mid 1953, he sent it to his friend “Boris” (Boris I. Bock, or maybe Boris P. Doudoroff) , who then lived in San Francisco, where a group of Russian émigrés (most of them former army or marine officers) had a plan to publish a book of their memoirs, commemorating the 50th anniversary of the Russo-Japanese war (1904–1905) . Vaskevich himself also wanted to contribute to that book, but for some reason (yet unknown) his manuscript was not included in the volume. He died in 1958, and was buried at the Foreign Cemetery in Kobe by his friends, the family of the famous Russian merchant F. D. Morozoff, with whom Vaskevich was particularly friendly in his later years. After that, the manuscript was stored in a private collection of papers for a while, and then given to the Museum of Russian Culture in San Fransisco. It remained there unpublished for almost half a century, until I found it at the museum when visiting San Francisco in October, 2000. Here I want to thank cordially all the staff of the museum, for their cooperation and the large amount of important advice they gave me, which finally made this publication of Pavel Vaskevich’s memoirs possible.

はじめに

2017年は、ロシア革命の100周年に当たる。ロシア革命が次第に〈遠い過去〉になりつつある現在、当時の出来事やそれらの展開における様々な詳細点に関する再検証が進められている。その中で、過去に活躍した人々の行動や彼らの当時の世界観、その歴史的転換期についての考察などは、現代の我々にとっても高い価値を持っている。歴史の移行期を目撃した人々が後に書いた回想録を読めば、現在の研究者が当時の〈時代の香り〉を味わうことができるだけでなく、他の史料にも入っていない証言や周知の事実に関する新しい見方、新鮮なアプローチを発見することも可能となる。

たとえば、1917年10月の革命後来日したロシア人の中には、日本にそのまま根を下ろした人々や、第三国へ移住する前に日本に十数年間住んでいた人々

「過去振り返り、現状考察」 亡命ロシア人の親日派パーヴェル・ワスケーヴィチの回想録がある。彼らの一部は、晩年に自分の生涯を振り返りながら、個人的経験を自伝としてまとめた回想録を書いた。それらの回想録には、ロシア革命及びその後の変化・改革等だけではなく、彼らが在留した明治・大正・昭和の日本及び日露・日ソ関係等についても多く書かれているため、20世紀の日本の歴史の研究を行う上でも、これらは貴重な資料としての意味をもっている。日本に在留したロシア人の回想録は、文学としても、歴史的な資料としても、これまでほとんど研究されておらず、今後の調査・研究の深化が大いに期待される。

たとえば、本稿で紹介するパーヴェル・ヴァスケーヴィチの回想録の原稿は、筆者が2000年にアメリカの古文書館「サンフランシスコのロシア文化博物館附属資料館」で発見した¹⁾。その10年後、青山学院大学から在外研究の機会を頂き、その計画に基づいて再び同センターでフィールドワークを行い、現在もそれを調査している最中である。

ヴァスケーヴィチが書いた回想録は、元外交官の彼の偽らざる告白であり、文化・歴史的観点から見て、又20世紀の日露関係に関する資料としても大いに価値がある。また、今後の日露交流の発展のために、長期間日本で暮らした彼の経験は貴重なものである。

ヴァスケーヴィチの回想録は、主に戦前の日本に触れているが、その執筆は戦後、1950年代に行われた。したがって彼は、自分の意見を比較的、自由に述べられる客観的状況の下で、日本あるいは日本人について記したとすることができる。それにもかかわらず、この回想録から、彼の日本観および立場を考えると、結論から言えば、〈見たことをすべて受け入れる日本ビイキ〉(親日派)であるということができないのではないかという印象を得た。回想録の〈日本に関するページ〉では、国家体制、日本語、日本社会、日本女性、教育制度、日常生活などに触れており、読者の眼前に明治・大正・昭和前期における日本のイメージが浮かび上がるように思われる。

---

1) その発見およびヴァスケーヴィチの略歴等の情報は、筆者が以前にも書いた『過去振り返り、現状考察』亡命ロシア人の親日派パーヴェル・ワスケーヴィチの回想録をめぐって』(『青山国際政経論集』91号、2014年1月発行)を参照されたい。

ヴァスケーヴィチが回想録をスタートしたきっかけは、1954年の日露戦争開戦50周年であった。その直前、アメリカや他の西欧諸国に暮らした亡命ロシア人元将校らは、当時のソ連における日露戦争のイメージやその記憶をめぐる小説（特に、1940-1941年初版のアレクサンドル・ステパーノフ著『ポルト・アルトゥール』があげられよう）などを批判し、反対した。1950年代に、彼らは自らの〈戦争観〉として回想録集を発行した（『ポルト・アルトゥール 参戦者らの追想録』ニュー・ヨーク、チェーホフ記念出版社、1955年刊）。その情報を誰かから受けたヴァスケーヴィチは、日露戦争開戦50周年を契機に、回想録を執筆しようと思った。結局、日露戦争を語るはずだった回想録は、生涯を振り返る自伝記録になった。彼は完成した原稿をサンフランシスコの知人に送ったが、1955年に出版された日露戦争の元参戦者たちの追想録集には彼の原稿は収められていない。その正式な理由は現在も不明だが、親日派の彼による回想録には、あまりにも〈日本ビキ〉に溢れたものとして、他の追想録における雰囲気とは合わなかったのかもしれない。

以下に載せたヴァスケーヴィチのロシア語のスタイルや表現はすべて原典に基づいている。今回は本文のみを挙げ、コメントや詳細な説明などは今後順次執筆公表していく予定である。

1. 神戸からの手紙（1953年10月30日付）

筆者がサンフランシスコのロシア文化センター「ロシア文化博物館」付属文書館で見つけたヴァスケーヴィチの回想録の原稿に付された手紙には、封筒がなく、タイプライターで打たれた手紙の中にも相手の名前と父称のみ打たれ、苗字が書かれていないため、その相手を確認するには困難がある。理由は、相手（受取人）とみなされるボックも、もう一人のドゥードロフも名が「ボリス」（Boris）だからである。ボックのフルネームは、「ボリス・イヴァーノヴィチ」（Boris Ivanovich）、ドゥードロフのフルネームは「ボリス・ペトローヴィチ」（Boris Petrovich）だが、手紙には「ボリス・ペトローヴィチ」の横に青鉛筆の手書きで「ボック」と記入されている。

このブックとドゥードロフについて、詳しい説明は、筆者が以前書いた「亡命ロシア人将校らの回想録から見た日露戦争の再考—日露戦争終結 100 周年をめぐる」(『青山国際政経論集』71号, 2007年1月発行)をご参照下さい。

Письмо из Кобе

П.Васкевич
5, Сузурандай, Кобэ

30 октября 1953 г.

Глубокоуважаемый Борис Петрович!

В своем последнем письме Вы сообщали мне, что заняты подготовлением разных воспоминаний и прочих материалов, которые имеются в особом сборнике, в связи с предстоящим 50-ти летием Русско-Японской войны. Вспомнил, что и я в некотором роде «пролил кровь «за отечество», будучи участником её в составе Штаба Главкомандующего от начала её до конца. Пользуясь дождями и тайфунами, которыми так оказался /богат/ настоящий год в Японии /и/ причинившими столь/ко/ разрушений, когда трудно было отдаваться своим любимым занятиям в саду, - усадил себя за пишущую машинку, чтобы со своей стороны отметить некоторые эпизоды из этой войны, как они остались у меня в памяти. Яркой для меня осталась страница гибели адмирала Макарова, которая /т.е., гибель/ и мне угрожала, но лишь случайно пришлось слышать звук той мины, которая взорвала броненосец «Петропавловск», а с ним в пучинах моря погиб адмирал Макаров, с именем которого было связано столько надежд и чаяний русского народа, что с его прибытием на фронт он сумеет повернуть русло войны в обратную сторону и сумеет возместить потери нашего флота по началу войны под Порт-Артуром. Я был командирован в его распоряжение и на какой-нибудь час-два опоздал явиться на броненосец «Петропавловск». Ему я решил посвятить строки своих воспоминаний, которых в сущности оказалось очень мало, касающихся его лично, как фигуры выдающейся нашего флота. Этот пробел восполняют другие, ближе знакомые с его значением и теми следами, какие он оставил после себя в Морском ведомстве. Отделивши «плевели» из моих воспоминаний «Из прошлого в связи с настоящим.

Памяти адмирала С.О.Макарова, в связи с пятидесятилетием Русско-Японской войны», может быть, найдется место и для них в этом сборнике.

Оригинал этих воспоминаний мной одновременно отправляется в РООВА, 315 E. 10 стр. Нью-Йорк 9²⁾, с предложением их где-нибудь напечатать, и если бы при этом получался какой-либо «профит», присоединить его к тем средствам, какие у него имеются для вспомоществования нуждающимся воинам минувших войн, в первую очередь ветеранам Русско-Японской войны.

В своих воспоминаниях, я упомянул о желании приподнять занавес против всех тех досужих разговоров, что мы были неосведомлены о предстоящей войне с Японией, и ничего поэтому с нашей стороны не предпринималось. Но все же я слишком уклонялся от темы и много вспоминал о частностях из своей личной жизни, что, конечно, мало кого-нибудь может интересовать. Когда начал перечитывать, то хотелось все это выбросить, но чувствовал себя не в силах заниматься перепиской. То, что мной исправлено и кое-где дополнено, в таком виде, конечно, не годится отправлять в редакцию. Возлагать на Вас этот труд не собираюсь, а попросту прошу, если материал не подойдет, сдать его в архив Русского Центра в Сан-Франциско.

Искренне Ваш

П. Васкевич

Все, что Вы сделаете с моими «Воспоминаниями», спорить и прекословить не стану. Прошу по использованию или без оного отправить в Русский Центр, в связи с полученной от его Председателя П. Ф. Константинова /просьбой/ восполнить его архив разными книгами, имеющими отношение к русско-японским отношениям.

П. Ю. Васкевич

5, Сузурандай, Кобэ³⁾

---

2) New York-9, 10th Street, East 315.

3) Текст данного письма, сохранившийся в архиве «Музея Русской культуры при Русском Центре Сан-Франциско», как и основной текст «Воспоминаний», был отпечатан на машинке, но рядом с именем «Борис Петрович» стоит сделанная кем-то от руки синим цветом пометка «Бок», что не позволяет однозначно установить имя адресата. Действительно, в подготовке к печати воспоминаний русских эмигрантов-участников войны 1904–1905 гг. («Порт-Артур. Воспоминания участников». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1955) принимал участие бывший капитан первого ранга Борис Бок, но его отчество — «Иванович». Либо Васкевич перепутал отчество, либо это — ошибка

2. パーヴェル・ヴァスケーヴィチの回想録・本文

Павел Васкевич. Воспоминания.

Из прошлого в связи с настоящим.

Памяти адмирала С. О. Макарова к 50-летию Русско-Японской войны.

Японцы, успешно осваивая разные достижения Европы и Америки в области техники, в частности военной, не опустили из виду психологического значения последней.

Профессор тактики Берлинской Военной Академии генерал Клаузевиц, столь популярный в военной среде Японии, учил, что мало технически подготовиться к войне с противником, но весьма важно по началу войны неожиданно нанести ему чувствительный удар по одной из важных его баз, чтобы этим не только обеспечить себе дальнейший успешный ход военных операций, но и в то же время удручающе подействовать на психику противника и одновременно приподнять дух и настроение масс населения собственной страны.

Верные заветам своего учителя, японцы хорошо подготовились к войне с Китаем и неожиданно для него высадили свой десант на острове Формоза, сделав его выгодной во всех отношениях коммуникационной базой для своих дальнейших военных операций, которые были очень скоро закончены. В результате, по Симоносекскому договору им досталась Формоза, которую в отдаленном прошлом они считали им принадлежащим /островом/, как и остров Сахалин и Корею.

лица, сделавшего указанную пометку, а само письмо исходно было адресовано контр-адмиралу Борису Петровичу Дудорову, также проживавшему в 1950-х гг. в Сан-Франциско и участвовавшему в подготовке издания сборника воспоминаний. К сожалению, конверт с полным именем адресата письма обнаружить не удалось.

Здесь и далее весь текст печатается с сохранением особенностей авторского стиля и лексики П. Васкевича. Внесенные им позднее в уже напечатанный текст поправки и уточнения, вписанные от руки, заключены в косые скобки / . . . / Аналогичным образом были оформлены пояснения, необходимые для понимания отдельных мест современным читателем. В подобных случаях следует указание на публикатора текста / . . . — П.П./.

В связи с этим договором великие державы «компенсировали»: Англия заняла Вейхайвей, Германия — Циндао, Россия — Порт-Артур.

Не только выдающийся финансист, но и в то же время прозорливый государственный деятель крупного масштаба, С.Ю.Витте, предвидя возможность в дальнейшем осложнений с Японией из-за наших агрессивных действий в Корее, поторопился соединить Порт-Артур сплошным рельсовым путем с центром России и одновременно заняться укреплением Порт-Артура и устройством коммерческого порта в Дальнем. С помощью последнего намечалось развить широкие торговые интересы не с одним Китаем, его емким рынком, но и с Японией и всеми островами, расположенными к югу от Китая, богатыми своими природными ресурсами.

Одновременно для подготовки молодых людей к административной и торговой деятельности в странах Дальнего Востока им был учрежден во Владивостоке Восточный Институт.

Раздавшийся по всем уголкам России горделивый голос /о том, что русские/ «без выстрела заняли Порт-Артур», привлек внимание и автора этих воспоминаний, намеревавшегося по окончании Вольнской духовной семинарии закончить свое образование в Сельскохозяйственном институте и строить свою будущую жизнь в единении с природой, чувствовавшего с ранних лет влечение к ее прелестям и красотам. Им было быстро изменено такое его намерение, и он решил закончить свое высшее образование в Восточном Институте, посвятив себя изучению Японии, до того ему знакомой лишь по курсу географии, как крошечный строй, заброшенный где-то на краю света, но вдруг привлечший к себе внимание всего мира, оказавшись победительницей в войне с седым Китаем, у которого в отдаленном прошлом ее истории она восприняла его культуру и его иероглифическую письменность.

Видимо, Дальний Восток привлек внимание многих русских, если в Вольнской губернии нашелся среди далеко /довольно?-П.П./ богатых помещиков /некто/ Дурилин, откуда-то узнавший о моем намерении посвятить себя изучению Японии, /который/ пожелал повидаться со мной, и видимо узнавший от кого-то, что я не располагаю средствами, предложил обеспечить меня на первый год по поступлении в Восточный Институт стипендией

в размере 500 рублей. Память о нем, исполненная искренней благодарности, сохранилась у меня навсегда.

Было бы большим пробелом в моих воспоминаниях, если бы я не вспомнил своей «альма-матэр» /так!/, давшую мне возможность, в детстве лишившемуся отца и оставшемуся без всяких средств, получить образование на казенный счет, с особой любовью и благодарностью. Хочется отметить и роль тех преподавателей, которые оставили после себя глубокую память. Среди них выделялся Б. С. Давидович, блестяще окончивший Санкт-Петербургский университет по историко-филологическому факультету и оставленный при университете для приготовления к профессорской кафедре по истории. Он предпочел вернуться в лоно своей «альма-матэр» - Волынской духовной семинарии - на должность преподавателя всеобщей истории и русской /истории/ в город Кременец, который был когда-то центром польского образования в Юго-Западном крае, где один из образованнейших польских деятелей того времени, крупный помещик Федор Чацкий, на собранные им деньги среди помещиков, учредил Польский Лицей, сгруппировав вокруг него умственный и политический центр - многочисленные его многоэтажные здания, с чудной библиотекой и ботаническим садом, среди которого были сгруппированы здания Лицея. Сад занимал несколько десятков десятин земли и примыкал к подножью живописных отрогов Карпатских гор, прогулки по которым доставляли громадное удовольствие учащимся и приучали их ценить и восхищаться красотами природы. Все это после польского восстания 1830 года было передано в ведение Волынской духовной семинарии, находившейся до этого времени в городе Остроге, считавшемся до того русским православным просветительским центром со времен князя Константина Острожского. Добавления Б.С.Давидовича к учебнику истории Иловайского, особенно о значении Французской революции и русской истории, начиная с царствования Петра I, остались более в памяти его учеников, чем изложения их почтенными авторами этих казенных учебников. Особенно осталась в памяти его речь в связи с кончиной императора Александра III, что все усилия покойного и охрана /им/ мира не достигнут успеха. Мы стоим накануне больших мировых войн и величайших потрясений. Мир разделится на два враждебных лагеря. После больших усилий с той и другой стороны будет достигнуто то,

к чему давно стремятся передовые умы как прошлого, так и настоящего. Войны с ужасными последствиями как для побежденных, так и /для/ победителей, должны будут отойти в область невозвратного прошлого.

Сейчас мы как-будто стоим на грани этих событий. Как бы вожди коммунизма, засевшие в Москве, ни старались навязать свои принципы государствам всего мира с помощью насилия и грубого обмана, все же для человека свобода останется высшим достижением его и лучшим двигателем к творчеству и прогрессу.

История человечества преисполнена в своих взаимоотношениях людских заблуждений. Борьба партий есть борьба идей, и конечная победа останется за идеями самодовлеющими, вложенными в основу разума и сердца. Важно убедить человека, что он творит зло в заблуждении и ослеплении, не сознательно. При этом /ему/ должна быть чужда даже тень человеконенавистничества и вражды. В этом случае подступы президента Айзенхауэра к разрешению этого вопроса с помощью Объединенных Наций, /с тем чтобы/ примирить несогласные стороны и предупредить новую кровопролитную войну, превосходящую все ужасы прошлых войн для обеих сторон, вполне отвечают вышеизложенным тезисам. Они полны благожелательства и дышат чувством дружелюбия к противнику и старанию довести до его сознания ошибочность его идей коммунизма, лишаящих прежде всего человека свободы, этого важнейшего стимула для здоровой жизни, чуждой всякого насилия. Сущность его устремлений — не захват чьей-либо территории, что входит в программу верхов коммунизма Москвы, а мирное сожительство всех народов, основанное на общности интересов всех государств, не ущемляя их верований, их традиций, их обычаев, что достигнуто свободными гражданами САСШ-в у себя дома, при их конгломерате племен, наречий, религиозных верований и обычаев.

Конечно, для согласования всего этого с помощью Объединенных Наций потребуются известные усилия и время, пока верхи коммунизма Москвы все это осознают и убедятся /в своих ошибках/. Для этого прежде всего нужно просвещение в духе истины и правды, считаясь с человеком как свободным гражданином, а не рабом их, во всем только им поддакивающим, как это фактически существует в СССР, с помощью зоркого ока ГПУ. Спокойный подход к этому вопросу в результате скорее их разубедит в непра-

вильности их мышления и действиях, чем война, одинаково убийственная для обеих сторон. Возможно, что в этих моих суждениях кроются отклики тех мыслей, которые были навеяны моим учителем истории Б.С.Давидовичем, личностью исключительно благородной, преисполненной благожелательства к людям, в частности, и к своим ученикам, не знавшим у него отметки «двойки», чем он самых ленивых вынуждал быть недостойным такой отметки своего любимого учителя.

Воскресает в памяти среди многих других учителей, оставивших после себя самые лучшие воспоминания, крошечного роста, живой, подвижной, весьма остроумный преподаватель латинского языка, который ухитрялся за уроками скучные переводы Овидия усащать русскими пословицами и поговорками, безобидно принимавшимися за свой счет неподготовившегося к переводу /ученика/. Они часто приходят на память автору этих воспоминаний, и ими он часто злоупотребляет. Он же /был/ регент чудесного многочисленного церковного хора, приучившего /меня/ ценить русских как духовных композиторов, а также народных русских и малороссийских песен. Ему я, будучи сам безголосым, обязан любовью к музыке и пению, и ряд подобранных мною пластинок улаждают мои перерывы в работе в саду, который я полюбил, вероятно, тоже потому, что вырос среди векового ботанического сада и живописных отрогов Карпатских гор, по которым так часто предпринимались прогулки сообща с песнями.

Любя природу и музыку, я счастливо доживаю свои последние годы, хотя и не без задней мысли тешу себя, что при своем режиме я должен дотянуть до ста лет, по меньшей мере. Место, куда меня привели три вековых сосны, где я сейчас живу, носит красивое название «Сузурандай», что значит в переводе с японского «Ландышевое плато». Устроивши здесь небольшой домик незадолго до минувшей мировой войны, я ждал с нетерпением наступления весны, чтобы подышать и насладиться нежным запахом ландыша, который на отрогах Карпатских гор растет в диком состоянии, как и здесь. Наконец, появились стебли этого цветка, формы несколько иной, в виде длинного стебля с пестрыми листьями, цветы расцвели в форме колокольчика, совсем как у нашего ландыша, но запаха /при этом они не дают/ никакого, словом, «Федот, да не тот». Вспомнил я тогда сложившуюся про Японию поговорку, что в ней «цветы без запаха и женщины без любви».

Действительно, по пальцам можно перечесать, какие из растений и цветов издают запах. Пожалуй, что и среди японок не так много /таких/, которые одаряли бы своих мужей той беспредельной, жгучей, страстной любовью, какой пользуются, правда, тоже не особенно многие европейцы или американцы, не считая испанцев. Но все же японки одарены многими другими положительными чертами своего характера, которые сторицей покрывают вышеперечисленные качества европейской женщины.

Японка скромна, приветлива. Полна чарующей, прирожденной ей улыбкой, трудолюбива, аккуратна, любит красиво, со вкусом наряжаться, не столько для того, чтобы привлекать внимание других, сколько из-за присущей ей, прирожденной любовью ко всему прекрасному, и к цветку, и к красивой, с цветочками посуде, и конечно - к своему наряду, умея подбирать тона материи со вкусом, которому могут позавидовать законодательницы мод Парижа. Она покорна воле своих родителей, и браки заключаются японками чаще всего по выбору родителей. Если случаются разводы, то большей частью не по её вине. В этом случае мужской пол оставляет желать много лучшего, чем той доли, какую несет японская женщина. Развод производится без всяких доказательств виновности того или другого, за подписью двух свидетелей. Как жена, японка прекрасная, экономная хозяйка, старающаяся угодить во всем мужу. Она его приветливо, с улыбкой встречает и так же провожает из дому, даже в тех случаях, когда знает, что ему лучше было бы сидеть дома.

Как мать своих детей, она исключительно заботлива. Ласкова, и ребенок не знает окриков, даже в том случае, когда расшалившегося нужно было бы попридержать какими-нибудь более радикальными мерами. Вместо этого, она прибегает к ласковому слову, но никак /не/ к пинкам.

Ребенок дисциплинируется школой, куда он поступает с шестилетнего возраста. Обязательное посещение детей с этого возраста школы было введено как одна из первых мер, с чего начались реформы эры Мейдзи, давшие такие блестящие результаты, когда японцы по стечению каких-нибудь пятидесяти лет достигли блестящего развития на самых разнообразных поприщах культуры, в том числе и исключительной военной подготовки, которая сказалась на результатах их войн с Китаем и Россией.

Как приятно наблюдать за детьми в школе, когда они по одному слову

учителя или учительницы быстро выравниваются /в строю/ и хранят гробовое молчание в ожидании их команды. Любо смотреть на них, как во время своих прогулок по живописным местам, которых так много по всей Японии, когда они зарисовывают в свои тетради избранные ими ландшафты. Трудно найти в Японии самый бедный дом, в котором не висело бы какое-то — горизонтальный снимок по материи, чаще всего какого-нибудь одного из мифологических семи богов счастья с улыбающимися довольными лицами, исключая бога войны со страшным свирепым лицом и мечом в руках, а также видов живописных уголков Японии.

Заручившись поддержкой Дурилина насчет стипендии, /это/ меня очень приободрило. /Теперь/ Нужно было подумать о средствах, как доехать во Владивосток. Получивши от старшей сестры, по профессии учительницы, максимум того, чем она могла мне помочь, я со ста рублями в кармане двинулся в путь «ковать свое будущее».

По прибытии в Одессу меня ждало разочарование: билет на пароходе по третьему классу стоил сто двадцать рублей. Агент пароходства Добровольного флота Ергомышев нашел выход из такого положения, предоставив мне билет, вопреки правил, как переселенцу, стоивший чуть ли не вполовину меньше, и я смело двинулся в путь-дорогу на пароходе «Саратов».

На пароходе нашелся бесплатный учитель английского языка, который в Восточном Институте /был/ обязателен наряду с китайским и языком той страны, которой студент собирается посвятить себя изучению — Японии ли, Кореи или Монголии, в лице помощника капитана. По пути нашлись добрые люди, которые во время остановок парохода в разных портах облегчали мне способ передвижения, /и/ таким образом, в Константинополе я имел возможность осмотреть исторический Собор Святой Софии, обращенный в мечеть, и разные другие достопримечательности его /, как/ и ряда других портов.

Остановка в Нагасаки, с его колоритной жизнью японцев, столь разной /отличной/ от европейской, с чарующей природой Японии, её приветливым народом, приободрила меня /в том/, что мое подсознательное /чувство/ не обмануло меня, /в том/ что я решил заняться изучением этой страны, раньше мне совсем незнакомой.

Во Владивосток я прибыл за месяца три до открытия Восточного Инсти-

туда. Чтобы не терять времени и кое-что заработать, чтобы оправдать расходы на свою жизнь до его открытия, с какого времени мне было обеспечено существование стипендией Дурилина, я поступил на службу в контору агента Китайской Восточной железной дороги на жалование значительно выше других, приехавших со мной на пароходе. На их протесты агент Дыновский отговаривался, что я не получил никаких подъемных и проездных, какими они были снаряжены от дороги.

При открытии Восточного института, его директор, в прошлом заслуженный профессор и декан Восточного факультета Петербургского университета, известный монгололог /так!/, Д.М.Позднеев держал речь, напомнив студентам о тех тратах народных средств на содержание Восточного Института и тех их обязанностях, какие они несут перед родиной по изучению ими стран Дальнего Востока, чтобы быть достойными работниками, знающими их. Он был строг и требователен, и часто предупреждал студентов от увлечения Марксом, этим поветрием, с книгой которого многие студенты начинали свое вступление в высшее учебное заведение.

Учение в Институте требовало больших умственных напряжений и память, чтобы одолеть китайскую грамоту наряду с другими научными дисциплинами, как в области юриспруденции государственного и международного права, так равно истории каждой из стран Дальнего Востока, включая до курса по счетоводству, чтобы подготовить людей как для административной, так и коммерческой деятельности.

Незаметно в большом напряженном труде прошел год, и на каникулярное время, перешедшие на второй курс, а их из восьмидесяти семи поступивших оказалось около тридцати человек, были командированы в Пекин для практического ознакомления с Китаем. Средства для этого были добыты Попечительским Советом при Институте, в состав которого вошли представители всех крупных торговых фирм, как-то: Чурина, Кунст-Альберса, Бринер-Кузнецова и ряд других, чутко отзывавшихся на помощь студентам этого детища С.Ю.Витте.

Путь наш лежал пароходом до Порт-Артура, далее из Инкоу по железной дороге до Пекина. В Порт-Артуре мы были свидетелями той интенсивной большой работы, которая особенно велась Военным и Морским ведомствами. Прошли слухи незадолго до назначенного времени нашего отъезда об успе-

хах поднятого восстания в Китае боксеров, которые направляются к Пекину, и нам советовали отказаться от дальнейшего следования. Мы все же решили выполнить свою миссию и ехать в Пекин. /Однако/ Не доехавши до Тяньцзиня, как путь к Пекину был отрезан, и нам пришлось вернуться обратно в Порт-Артур. Тем же пароходом, по бесплатному билету первого класса пароходства Восточно-Китайской железной дороги, мы двинулись обратно во Владивосток. По пути, поблизости Нагасаки, нас настигла буря — один из страшных тайфунов, этого бедствия стран Дальнего Востока, и наш пароход потерял возможность сопротивления, и его нанесло на одну из скал острова Оки, поблизости Нагасаки. Дно парохода было разворочено, и началась течь, угрожавшая гибелью пароходу, если бы по счастью ветер не начал утихать к ночи. На следующий день на помощь прибыл пароход из Нагасаки и всех пассажиров свез на берег. Нас разместили в первоклассной чудной гостинице «Нагасаки-отель», и там мы в ожидании следующего парохода прожили около десяти дней. За это время мне пришлось еще больше убедиться, насколько сложна и интересна жизнь японцев, и понадобится много труда, чтобы изучить их жизнь, особенно иероглифическую их письменность, позаимствованную в глубоком прошлом их истории у седого Китая, наряду с другими его культурными достижениями, когда Китай считался одним из самых могущественных, цивилизованных и сильных государств всего мира.

Незаметно прошел второй год, и на этот раз избравшие своей специальностью изучение той или иной страны — Японии ли, Китая, Кореи или Монголии, на каникулярное время были командированы в эти страны. Избравшие изучение Японии были отправлены в Токио. Поселились мы поблизости Токийского университета в одной из больших гостиниц, до отказа переполненной студентами. Оделись в кимоно, очень удобное и подходящее для летней жары Токио, питались исключительно японской пищей, посещали по вечерам театры, которые являлись одним из лучших средств для ознакомления с прошлым Японии, которое так тесно у них связано с настоящим, несмотря на некоторое увлечение Европой и её достижениями. Встретили нас японские студенты очень приветливо, и никто из них не отказывался помочь нам в наших затруднениях. Они явились прекрасным дополнением к урокам, которые давал нам опытный преподаватель одной из

гимназий.

Сочли мы своим долгом посетить наше Посольство, где нас очень любезно принял наш посланник Извольский. /который/ Интересовался программой Института, и как мы устроились. При прощании он в очень деликатной форме нам заметил, что при Посольстве имеется церковь, не для одних его служащих, /а/ и всех русских, проживающих в Токио, чтобы им не терять своей духовной связи с родиной и ее обычаями. «Я не касаюсь ни ваших религиозных, ни политических убеждений, но мне было бы желательно видеть вас в церкви за церковными службами» - такое его предупредительное отношение побуждало нас быть аккуратными посетителями храма, видя при этом в его лице пример, что сам он для этого спускался с гор Никко, где проводил летом время на даче. Не скрою и теперь, что для нас являлся при этом большой приманкой ожидавший нас завтрак, к которому он каждый раз нас приглашал.

Сочли мы своим долгом навестить и Первосвятителя Православной Церкви Архиепископа Японского Николая. Подвижной, деятельный, аناхорет в своей жизни, /он/ принял нас сердечно, интересуясь как мы устроились, выражая при этом радость, что наконец у нас /в России/ начал проявляться интерес к Японии, если правительство решило основать во Владивостоке Восточный институт для изучения стран Дальнего Востока, в числе коих он, как сам большой японофил, считал изучение Японии важнее /изучения/ Китая. Узнавши, что мы живем в японской гостинице, переполненной студентами, порадовался за нас, заметив, что при изучении японского языка он пользовался ежедневно услугами четырех учителей, а мы их имеем значительно большее количество.

При переходе с третьего на четвертый курс каждому из студентов давались известные задания по изучению того или иного вопроса с обязательством представить подробный отчет о нем. Мне было поручено обследование в торгово-промышленном отношении района Японии от порта Цуруга до порта Ниигата округа Хокурукудо, с какими портами были установлены регулярные рейсы с Владивостоком пароходами Добровольного флота.

Посещая с этой целью разные фабрики, заводы, торговые палаты, губернские управления, я повсюду встречал самое предупредительное отношение и желание помочь мне в выполнении моих заданий. В городе Кана-

зава при посещении мной губернского управления, после получения всех нужных мне статистических данных, мне было предложено осмотреть отдел Красного Креста. Мне были показаны его склады, переполненные походными кроватями для подноски ранений /раненых/ и полное оборудование полевых госпиталей, включая до обмундирования его служащих и сестер милосердия, причем показывавший мне все это счел нужным заметить, что «мы готовы к войне». С кем? - не требовалось пояснений, так как к этому времени выявлялась явная агрессия России в отношении Маньчжурии и Кореи, и нами были скуплены земельные участки по берегу незамерзающего порта Масанпо для нужд нашего флота, а в Сеуле наши военные инструктора готовили корейскую армию.

В городе Фукуй случилось приблизительно то же. Посещение гимназии, тем более в каникулярное время, не входило в мою программу, но в городе Фукуй мне было предложено осмотреть её. Я, конечно, охотно согласился. Первое, что мне было показано — это гимнастический зал, уставленный ружьями и прочим снаряжением солдата, причем сопровождавшим было объяснено, что вместо гимнастических упражнений гимназисты занимаются военными /упражнениями/ и по окончании гимназии в Японии будет кадр, уже готовый для пополнения армии. Здесь мне не было сказано, что «мы готовы (или готовимся) к войне», но это было больше ясно и само собой понятно. И для меня было ясно, что японцы считают меня не столько /в качестве/ командированного для изучения положения округа, ближайшего к Приморской области, как попросту /в качестве/ шпиона, маскирующегося в роли исследователя /состояния развития/ района в торгово-промышленном отношении, и карт своих не скрывали, что они будут воевать с Россией, если русское правительство оставит их требования в отношении Кореи, не удовлетворив их.

Собранный мной материал по экономическому исследованию порученного мне района вместе с только что приведенными фактами был представлен в отчете Конференции, напечатан в «Известиях Восточного Института» в 1903 году и удостоен золотой медали. Он был отмечен и в русской печати в «Новом времени», «Восточном Вестнике», «Русском Слове» и других, но /это произошло/ уже когда война началась, в 1904 году, причем было /так/ что доискиваясь виновных в войне, указывалось, как ясно было /ранее из

моего отчета/, что война неизбежна, но к сожалению это писал студент, а не высокопоставленная особа. На это я отвечаю, чтобы несколько приоткрыть занавес, что мне доподлинно известно, что наши послы в Токио Извольский и сменивший его незадолго до начала Русско-японской войны барон Розен, больше всего наш /военный/ агент подполковник генерального штаба Самойлов и морской агент капитан второго ранга Русин, были прекрасно осведомлены о приготовлениях Японии к войне с Россией, и доносили об этом по назначению подлежащим властям. Те тоже принимали возможные меры, при необъятных по пространству её размеров России и наличию других крайне неотложных нужд, для покрытия всех расходов которых было трудно изыскивать доходы.

Все это наверное мог бы подтвердить до сих пор здравствующий бывший наш морской агент в Токио капитан второго ранга, теперь полный адмирал Русин, доживающий скоро столетнего возраста в Африке, не без материальных лишений, от себя хочется добавить — «в джунглях и среди людоедов», но зато чувствующий себя свободным, и /до/ такого возраста он бы наверное не дожил бы у себя на родине, где наверное за свои заслуги родине, он давно, выражаясь по-большевистски, был бы «выведен в расход». Низкий поклон ему и пожелание безболезненно дожить сто лет.

Я могу и смело и открыто сказать, что «самурай шел с открытым забралом» против России, не нося кинжала за пазухой. Нападение японцев в полночь 1904 года под Новый год на Порт-Артур вовсе не было неожиданным, а тем более коварным. Это дело войны и подготовленности к ней. Случилось оно после того, как японский посланник в Петербурге получил свою отзывную грамоту, что по международному /праву/ считается началом объявления войны. Нужно, наконец, хоть к предстоящему пятидесятилетию (1954 г.) начала Русско-японской войны приоткрыть занавес на прошлое и признать, что японцы оказались более подготовленными и смысленными для неожиданного нападения на Порт-Артур, чем мы для отражения подобной атаки. Наглая ложь, что наша офицерская молодежь развлекалась беззаботно в собрании танцами в момент нападения японцев на Порт-Артур. Все были на своих местах, при потушенных огнях, ожидая возможного нападения. Все это выдумки революционеров, подготовлявших с началом войны наше поражение, что ими в результате и /было/ достигнуто и мы вы-

нуждены были благодаря им, разложившим армию, заключить не совсем почетный для Великой России мир с маленькой Японией, какая она многим из нас рисовалась.

По окончании Восточного Института я был определен на службу по Министерству Финансов в Амурскую Казенную палату с откомандированием во Владивосток для обследования быта японцев, проживающих в пределах России на Дальнем Востоке. Работа моя была полностью еще не закончена, как я был с началом войны призван в штаб Главнокомандующего и назначен драгоманом в Дипломатическую канцелярию, состоявшую при нем как наместнике на Дальнем Востоке. Представленные мной материалы появились на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли» в №39 за 1904 год, под заглавием «Материалы по изучению быта японцев в Приамурском крае».

Еще в декабре 1903 года ясно было, что война становится неизбежной, если требования Японии не будут удовлетворены. Наш агент Петербургского официозного Агентства от 10 декабря телеграфировал: «На последнем совещании старейших государственных деятелей было решено, что Япония вынуждена будет взяться за оружие, если её требования Россией не будут удовлетворены. Шесть броненосцев вышли в открытое море. На всех военных судах сняты с палубы деревянные части», и /посылал/ другие в самом тревожном духе телеграммы, которые вынуждали нас быть готовыми к войне. На местах во Владивостоке и Порт-Артуре, насколько возможно и было в силах, готовились к войне как морские, так и сухопутные наши силы. Говорить о неожиданном, и тем более коварном нападении после всего не приходится, и нужно это позабыть хотя бы и спустя пятьдесят лет после начала Русско-японской войны.

Правда, что этими выдумками создалось несколько приподнятое настроение в массах населения, и первые эшелоны, шедшие на пополнение армии, были полны энтузиазма: «Мы шапками закидаем этих коварных японцев!», забыв русскую поговорку «Не хвались едучи на рать, а хвались, едучи с рати».

Прибыл я в штаб главнокомандующего, когда ставка его после удачного нападения японцев на Порт-Артур была перенесена в Мукден. По прибытии вскоре стало известно о назначении командующим морскими силами

на Дальнем Востоке вместо погибшего адмирала Витгефта, /ошибка: он погиб позднее-П.П./ адмирала С.О.Макарова. По пути в Порт-Артур он остановился в Мукдене для совещания с главнокомандующим. В числе чинов его /т.е., заместника/ штаба имел удовольствие и я его встречать. Передо мной ясно воскресает в памяти этот «чудо-богатырь», исполинского роста, с длинной широкой, окладистой, русой бородой, со смелым, решительным, орлиным взором, еще не так давно рассекавший на сконструированном им ледоколе «Ермак» непроходимые до того льды Северного Ледовитого океана и с опасностью для жизни обогащавшего науку новыми научными открытиями, один из трех витязей, увековеченных его другом Верещагиным в его бессмертной картине «Три витязя», несомненно и теперь привлекающей внимание зрителей Эрмитажа.

Через некоторое время я получаю срочное предписание с первым отходящим поездом отправиться в Порт-Артур на броненосец «Петропавловск» в распоряжение командующего морскими силами на Дальнем Востоке адмирала Макарова. На следующее утро, подъезжая к Порт-Артуру, на одной из ближних к нему станций во время остановки послышался оглушительный взрыв. То был отголосок неприятельской мины, взорвавшей броненосец «Петропавловск», а с ним погиб в пучинах моря и адмирал Макаров, с именем которого было связано столько надежд, что с прибытием его будут компенсированы потери нашего флота за счет японского. С ним погиб на броненосце «Петропавловск» и Верещагин, который собирался в предстоящих баталиях у японских берегов обессмертить своего друга. Предполагалось, что он /т.е., Макаров/ должен вывести наши морские силы из этого ковшка Порт-Артурской гавани и перенести базу наших морских сил во Владивосток, откуда более возможна уязвимость самой Японии и её морским силам. Но роковой случай иначе определил его судьбу и дальнейший ход военных событий.

Мне пришлось представляться сменившему адмирала Макарова адмиралу князю Ухтомскому, поднявшему флаг Главнокомандующего морскими силами на броненосце «Победа», стоявшем в доке. Пришлось пробираться под градом снарядов японской эскадры, громившей безнаказанно Порт-Артур в разных его частях. В штабе чувствовалось уныние. Тут же при моем представлении адмиралу князю Ухтомскому, последовал его приказ

вернуться обратно в Мукден в штаб главнокомандующего.

Вскоре адмирал Алексеев был отозван и заменен главнокомандующим генералом Куропаткиным, а вместе с тем наместничество на Дальнем Востоке упразднено, и бывшая при нем Дипломатическая Канцелярия расформирована. Я был прикомандирован к генерал-квартирмейстерской части штаба главнокомандующего и оставался при сменившем генерала Куропаткина генерале Линевице вплоть до заключения перемирия, в котором мне пришлось участвовать.

После наших отступлений при Шахэ и Ляояне, ожидалось, что с приходом надежного корпуса генерала Скугаревского под Мукденом дадим должный отпор и перейдем в наступление. /Никто не знал тогда, что революционное/ движение окончательно парализует боеспособность армии, и Россия /будет/ вынуждена заключить далеко не почетный для нее мир.

На запрос главнокомандующему генералу Линевицу, есть ли надежды на дальнейший успешный ход войны, он /Линевиц - П.П./ был вынужден поставить ряд «если», в числе которых: если пополнения в армию будут прибывать нераспропагандированными революционерами, если армия своевременно будет снабжена вооружением и т.д., /так/ что другого ответа не могло последовать, как приступить к заключению перемирия.

Благо нашелся посредник, одинаково благожелательно расположенный к обеим воюющим сторонам, в лице Президента САСШтатов Т. Рузвельта, благополучно доведший переговоры о мире к концу.

Переговоры о заключении перемирия, возглавляемые с нашей стороны генерал-квартирмейстером генералом Орановским, а с японской стороны начальником штаба армии генералом Фукусима, длились не более каких-нибудь 4–5 часов и соглашение было подписано под Сипингаем, в нейтральной зоне Южной Маньчжурии. Обе стороны прекрасно понимали, что ни одна из них войны продолжать не в состоянии. Русские - из-за революции, а японцам «пороху» не хватало в буквальном смысле этого слова. К тому же и денег не хватало, чтобы /оплачивать/ заказы по вооружению, которым охотно снабжали Японию по началу войны англичане и частью американцы. Они прекрасно поняли, что не в их интересах допустить, чтобы японцы стали полными победителями, им нужно было ослабить ту и другую сторону /т.е., Россию и Японию — П.П./.

Та же история получилась у японцев в последнюю мировую войну. Напрасно их предупреждал в своей книге «Тихоокеанская проблема» наш начальник Российской Академии Генерального Штаба генерал Андогский, написавший свою книгу в беженстве в Харбине за года два-три до начала этой войны. На основании статистических данных он доказывал, что /в/ первые года два этой неизбежной войны успехи обеспечены за Японией, но когда за это время американцы по-настоящему подготовятся к войне, японцы вынуждены будут капитулировать. Он также верно предсказал, что со стороны японцев будет совершено такое же неожиданное нападение на Перл-Харбург /Перл-Харбор/, как в свое время на Порт-Артур. Американцы, предупрежденные о неизбежности войны, если правительство их не пойдет на уступки требованиям японцев, послом Грю и военно-морской агентурой в Токио, ожидали нападения, но искусство японской дипломатии и подготовленность военно-морских сил к неожиданному их нападению на Перл-Харбург сыграла свою роль по началу войны и сопутствовала их успеху до тех пор, пока у них хватало материала для изготовления пушек и снарядов, и пока американцы не изобрели атомных бомб, которые остались живы в памяти не только у одних японцев, но теперь /ими/ пугают и /самих/ американцев, когда Маленков открыто заявил, что у них имеются бомбы маркой повыше атомных, более губительных.

В этой последней войне весьма крупную роль сыграл капрал Хитлер /так в тексте-П.П./, давший им /т.е., руководству СССР-П.П./ мысль поделить весь мир и самим стать полными хозяевами Европы, включая необъятные просторы России, а японцам предоставить строить новый порядок среди народов Азии, включая и острова, примыкающие на юге владений Китая. Им же был проектирован сплошной железнодорожный путь с тоннелями через о.Цусиму и Дарданеллы между Берлином и Токио, которые должны были стать мировыми центрами.

Должен сознаться, что наблюдая за интенсивной работой японцев в Корее и Южной Маньчжурии, при их соглашении Японии со Сталиным о взаимном ненападении, а также взаимной помощи, я склонен был строить прогнозы, что американцы повоюют года два с Японией, как русские в Русско-японской войне, а затем, под давлением революционеров, какого добра у них имеется достаточно, скажут, что мы потеряли на Филиппинах

и придут к какому-нибудь соглашению, не в ущерб интересам Японии.

После заключения перемирия, в котором мне пришлось участвовать, я выехал в Петербург, но не по Сибирской железной дороге, которая в некоторых местах Сибири находилась в распоряжении революционных банд, а через Японию, САСШтаты и Европу, с остановками в разных местах для осмотра музеев и других достопримечательностей.

В Иокохаме мне пришлось наблюдать, как враждебно был встречен барон Комура, вернувшийся из Портсмутской конференции, массами населения. На защиту его открыто выступил один из величайших государственных деятелей Японии, принимавший деятельное участие в её строительстве с началом эры Мейдзи, князь Ито, заявивший, что Япония в результате войны с Россией получила большее, на что могла рассчитывать. Она закрепила за собой Корею и Южную Маньчжурию, кроме того, приобрела еще южную часть о.Сахалина, с его неисчислимыми рыбными богатствами, столь важными для японцев, питающихся почти исключительно рыбой и овощами.

Нельзя сказать, чтобы и С.Ю.Виттэ /так в тексте/, возведенный в графское звание за заслуги, оказанные по заключению мирного договора в Портсмуте, /был/ приветливо и благожелательно /встречен/ массами населения. Между тем как на конференции он проявил и свои крупные заслуги как искусного дипломата. Его пожатие руки машинисту, доставившему русскую делегацию в Портсмут в экстренном поезде, в значительной степени растопило и согрело те холодные чувства, какие были вызваны Русским правительством, противившимся допуску иностранцев для использования природных ресурсов Маньчжурии на равных основаниях с русскими. Его визит банкиру Шифу, пользовавшемуся большим влиянием среди финансовых кругов Америки, до известной степени расположил их в свою пользу. Но все /же/ решающую роль в благоприятном исходе конференции сыграли не его сборы и упаковка им вещей в чемоданы, якобы с целью возвращения в Петербург, когда барон Комура упорно настаивал на исполнении всех требований — полностью уплаты контрибуции и передаче о.Сахалина полностью, а категорическое заявление Президента Т.Рузвельта, что если представитель Японии на конференции не пойдет на уступки, и не будет найден компромисс, то САСШтаты откажут Японии в помощи и припасами, и во-

енным снаряжением, и финансами, без чего Япония не в состоянии была продолжать войну. Компромисс был найден, барон Комура согласился не настаивать на контрибуции и передаче Японии полностью о.Сахалина, ограничившись лишь половиною его и возмещением расходов по содержанию русских военнопленных.

Но главная заслуга графа Виттэ, как одного из крупных государственных деятелей России, оставившего после себя незабываемый след в её истории, состоит в том, что ему удалось настоять на открытии Государственной Думы с её конституционными девизами, которые должны были вывести Россию на дальнейший широкий путь свободного развития и творчества. Это он сам сознавал и на кресте над своей могилой завещал отметить одну дату, 17-е октября, - она должна была сказать каждому, чей прах похоронен в этой могиле.

Из Июкогамы я отплыл в Сан-Франциско на «Эмпре оф Канада» - одном из крупных мировых пароходов по тому времени, и по своей роскошной отделке, и по своему тоннажу - по первому классу, часто вспоминая на нем, как я совершал свое путешествие из Одессы во Владивосток в качестве пассажира третьего класса вместе с переселенцами. Восточный Институт дал мне возможность позволить себе эту роскошь, и я не могу не помянуть добрым словом его педагогический состав, столь много потрудившийся, чтобы его питомцы освоили все те научные дисциплины, преподаваемые в нем, и явились достойными работниками в будущем на пользу своей родине. С грустью я узнал во время остановки в Японии, в ожидании отплытия парохода, что лектор японского языка при Восточном Институте, когда японцам было предложено с началом войны эвакуироваться, /то/ он счел своим долгом остаться и продолжать в Институте возложенную на него работу практического ознакомления /студентов/ с японским языком, /после войны/ в первую же ночь по прибытии им в Японию для свидания с родными, он был убит фанатиком-патриотом, как якобы содействовавший противнику вопреки интересам его родины. Убийца был оправдан судом, признавшим его невиновным в своем поступке. Это один из ярких штрихов японского патриотизма, который им привит и поддерживается в более острой форме, чем у других народов.

Хотя во время войны я не испытывал каких-либо особых лишений и

большую часть времени провел в пульмановском вагоне 1-го класса вместе с другими чинами штаба, а жалованье получал генеральское, как бывший драгоман Дипломатической канцелярии Наместника на Дальнем Востоке, которому, с прикомандированием его к генерал-квартирмейстерской части, было оставлено жалованье прежнее 250 рублей в месяц, слишком крупное по моему чину прапорщика, как отбывшего в свое время воинскую повинность и вышедшему в запас в этом чине, /то все это/ вызывало со стороны некоторых зависть. При таком жалованьи и минимальных расходах я имел возможность составить себе некоторые сбережения, позволившие мне допустить некоторую роскошь, как вознаграждение за усиленные мои труды по изучению китайской грамоты. Как в Америке, так и в Европе я имел возможность посетить крупные их центры и, осматривая их музеи и другие достопримечательности, обогатить себя знаниями из разных других областей, чего я не мог себе позволить в Институте, где требовалась исключительно напряженная работа в области лишь познания стран Дальнего Востока.

В Петербург я прибыл приблизительно в середине 1905 года и в Министерстве Иностранных Дел мне пришлось долго ожидать своего назначения на Дальний Восток. Моя докладная статья, появившаяся в печати, «К вопросу о современном положении Кореи», сослужила мне медвежью услугу. Вместо того, чтобы быть назначенным в Японию, куда я стремился, я был назначен в наше Генеральное консульство в Сеуле, заменившее /бывшую там до войны/ нашу дипломатическую миссию, согласно условий Портсмутского договора.

Ко времени моего прибытия в Петербург революционное движение затихло. Хотя при мне в один прекрасный день разнеслись слухи, как какой-то осетин (так!) Джугашвили, подобрав себе сообщников в центре Петербурга, совершил разбойное нападение среди белого дня на караван телег, следовавших под охраной, /с грузом/ народных сбережений государственного казначейства. Впоследствии выяснилось, что это был /человек/ известный революционному миру под кличкой «Сталин». Присужденный за такой разбойный поступок, стоивший нескольких жертв охраны, /он/ был сослан в отдаленные края Сибири, вместо того чтобы быть накрепко засаженным в тюрьму, а и того проще «выведенным в расход», как он /впоследствии сам/

выводил миллионы русских людей, когда бежал из Сибири и таким же налетом прибрал к своим рукам русский народ, мало того, и народы других государств прижал крепко своим тяжелым грязным сапогом, обратив всех в покорных рабов, лишенных всяких признаков свободы, во имя которой он когда-то ратовал. Пример оказался весьма заразительным. Американцы, не знавшие до этого такой наглости и смелости, с успехом теперь применяют у себя дома подобные налеты, как это видно по газетным сообщениям.

В Сеуле мне пришлось быть свидетелем, как Генеральный Резидент Кореи князь Ито, при котором корейский император отказался от престола, и оставаясь в своем дворце в Сеуле, спокойно доживал свой век, а Корея была аннексирована Японией, как это было обусловлено Портсмутским договором, часто в разговорах с нашим Генеральным консулом Г.А.Плансоном, участником Портсмутской конференции, а до того — начальником Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке, подчеркивал, что будущее Японии должно строиться на тесном единении и дружбе с Россией. Эта политика проводилась японцами неуклонно в прошлом. Незадолго до начала Первой мировой войны, между Японией и Россией было подписано соглашение о взаимной помощи, а перед Второй /мировой войной/ с диктатором Сталиным это соглашение дополнено /пунктом/ не только о взаимной помощи, но и о ненападении друг на друга, что было важно для Сталина в интересах собственной безопасности.

Конечно, Сталин ни того ни другого не собирался выполнять. Когда японское правительство убедилось, что дальнейшее сопротивление в войне с САСШтатами бесполезно, что необходимо заключить мир, и оно обратилось с просьбой к Сталину о принятии на себя посредничества по заключению мира с САСШтатами, /то/ он под разными предлогами медлил с выполнением этого обязательства по договору и этим принудил американцев прибегнуть к последним решительным мерам — смертоносным атомным бомбам, унесшим сотни тысяч ни в чем не повинного мирного населения городов Нагасаки и Хиросима, и почти накануне капитуляции объявил нагло Японии войну. Это беспримерный акт вероломства — вонзить своему союзнику кинжал в спину, останется несмываемым пятном на прошлом истории - конечно, не России, а той шайки беспринципных, вероломных деятелей СССР, сжавших русский народ в железные тиски, непозволив-

шие ему высказать /своей/ воли, которая, конечно, никогда бы не допустила подобный вероломный поступок.

Не к тому ли готовятся преемники этого деспота, тирана 20-го века, во главе с Маленковым, заверяющие мир своим миролюбием, а втайне подготавливающиеся вонзить свой преступный меч в спину усыпленному ими противнику? Не успели еще закончиться их вероломные действия в Северной Корее, как они готовят новое выступление на юге Китая, на границах Бирмы, Сиамы, Индокитая и других соседних границах, стараясь втянуть в эту их авантюру и мирную Индию. Все это делается чужими руками, с помощью китайцев, в сознании, что собственный народ не пойдет на такую авантюру . . .

Вскоре из Сеула я был командирован на о.Сахалин в качестве члена его Разграничительной Комиссии. Работы по разграничению прошли гладко, при самых дружественных отношениях между её членами. Стоявший во главе Комиссии с японской стороны полковник Осима, впоследствии занимавший пост военного министра, всячески старался подчеркнуть, что все прошлое должно быть забыто, что в будущем отношения между японцами и русскими должны зиждиться на тесной дружбе. Он же принимал деятельное участие в подготовке Японии к новой войне, налаживанию нового порядка среди народов Азии, вне той политической и экономической зависимости от Европы и Америки, которая существовала до этого времени. Сын его, бывший военный агент Японии в Берлине, а впоследствии, при Хитлере (так!) — посол, находил в его лице горячую поддержку в такой политике Японии. В его уме мыслилось, что в будущем Германия и Япония — это два мировых центра, в Европе будут господствовать немцы, включая и необъятные просторы Сибири, а на востоке — японцы, включая в орбиту своего влияния не только один Китай, но все те обширные острова, примыкающие к нему на юге, жившие своей собственной жизнью, со своей особой культурой, с давних времен принадлежащие Голландии, смелые мореплаватели которой много веков тому назад первыми их открыли.

По окончании работ по разграничению о.Сахалин, председатель комиссии полковник Генерального штаба Лилеев и я были приглашены председателем японской комиссии полковником Осимой в Токио в качестве гостей. Нам был устроен исключительно радушный прием. Нас познакомили с выс-

шими государственными деятелями Японии, и от них мы только и слышали, что прошлое во взаимоотношениях России и Японии должно быть забыто и что между ними должны царить единение и дружба. На аудиенции, данной нам Японским Императором, Его Величество удостоил нас исключительного внимания, заговорив по-японски, /сделав это/ как исключение в отношении иностранцев, с которыми всегда разговоры велись с помощью японского переводчика. Это, конечно, нами такое внимание не могло быть принято за наш личный счет, а как внимание особое в отношении русских, с которыми /у японцев/ должны царить мир и единение, что было отмечено также Императором.

Из Токио мне пришлось проследовать в Фузан, куда я был назначен управлять нашим консульством. Здесь мне представился новый случай убедиться в таком стремлении японцев жить в дружбе с Россией. Министерство иностранных дел предписало консульству войти в переговоры с японскими властями о возмещении расходов по скупке земельных участков на имена частных лиц по берегу незамерзающего порта Мазампо, расположенного против острова Цусима, /приобретенных/ для нужд Морского ведомства. Японцы были прекрасно осведомлены, с какой целью скупаются эти земельные участки, и это, собственно, послужило одним из важных поводов к объявлению ими войны России.

По Портсмутскому договору, все казенные предприятия в Корее и южнее Куаньченцзы в Южной Маньчжурии должны /были/ отходить безвозмездно в пользу Японии. Когда /я/ снесся с японскими властями по этому делу, мне сразу было указано на это соглашение, тем не менее заявление консульства по этому делу мной было оставлено /японским/ властям. Прошло несколько месяцев, и я считал это дело безнадежным. Случайно через Фузан проезжал Генеральный резидент в Корее князь Ито. В числе его встречающих шел и я своим долгом присутствовать. Разговорчивый, живой, общительный князь Ито заговорил, что, должно быть, мне скучновато в Фузани, как единственному консулу, и наличию /из иностранцев, кроме меня/ одного лишь католического французского миссионера. Неожиданно пришла мне мысль заговорить о полученном консульством предписании войти в переговоры относительно возмещения 50 тысяч, израсходованных на приобретение участков в Мазампо. Он только улыбнулся, и не входя в суть дела, уве-

рил меня, что просьба консульства будет удовлетворена, и тут же распорядился ускорить в благоприятном смысле для консульства его просьбу, заметив, что просимые 50 000 иен не имеют значения ни для японской, ни для русской казны, но желательно, чтобы все наши взаимоотношения проходили без всяких шероховатостей.

За все время своего общения с японцами в течение 50 лет как в своей частной жизни, так особенно и в официальной, я встречал всегда благожелательное отношение. Полагаю, что эту черту их характера заметили и другие. /Например/, Когда при обращении к японцу за разъяснениями про местожительство такого-то, он не только объяснит, /но и/ при малейшей возможности проводит /вас/ к /нужному/ дому.

В Фузане мне пришлось наблюдать ту большую, интенсивную работу японцев, начиная с устройства школ, дорог, фабрик, заводов и т.д. Не прошло и 10 лет после этого, когда мне /снова/ пришлось проезжать через Корею, она была уже неузнаваема.

Неузнаваем стал и Токио, куда я вскоре был назначен в наше Посольство драгоманом, по сравнению с тем, каким я помнил /его/ каких-нибудь лет 10 тому назад, когда я жил в нем как студент Восточного Института для изучения Японии. Многоэтажные, а-ля американские небоскребы, здания, устройство новых школ и высших специальных учебных заведений, обилие учащейся молодежи, все это резко мне бросилось в глаза.

Япония после Русско-японской войны стала особенно привлекать внимание туристов с разных концов света. Всем хотелось посмотреть на Японию, эту маленькую по пространству страну, почти одновременно одержавшую победу над такими колоссами, как Китай и Россия. Манила туристов также чарующая субтропическая природа Японии с особым укладом жизни её приветливого народа.

Не убоялись расстояния тяжелые на подъем русские, которые с полным комфортом в каких-нибудь 10 дней /могли проехать/ по Сибирской и Восточно-Китайской железным дорогам и в ожидавшем на пристани во Владивостоке их пароходе достичь берегов этой таинственной, так еще недавно малознакомой всем Японии.

В памяти воскресает появившийся в посольстве поэт Бальмонт, в сопровождении двух прелестных его спутниц, поклонниц его поэтического твор-

чества. Был субботний день, и мы вместе возвращались в Камакуру, где я жил летом на даче, а он со своими спутницами ехал посмотреть достопримечательность этого морского курорта - Дайбуцу, это величайшее в мире сооружение из бронзы 7-го века по Р.Х., весом свыше 500 тонн. Вагон, в который мы попали, случайно оказался заполненным японками высшего круга, проживающими летом в этом известном морском, ближайшем к Токио, курорте. Нужно было видеть его растерявшееся от восторга выражение глаз, взглядывавшегося то в одну из них, то в другую. Это не могло остаться незамеченным японками, и каждая из них старалась, видя проявленный к ним интерес со стороны иностранца, едва заметным поворотом тонкой шейки, свойственной /им/ от природы очаровательной улыбкой, привлечь его внимание. Не могло остаться незамеченным и выражение лиц на его спутницах, которые напомнили мне растерявшуюся наседку, когда подросшие цыплята разбегаются во все стороны из под её крыльев и она тщетно старается вернуть их под свое крылышко.

В понедельник Бальмонт почему-то снова появился в посольстве и прочел нам свое стихотворение, посвященное японцу и японке, в котором действительно им выявлен особый дар Божий, давший ему возможность видеть то, что и мы, смертные, видим, но не замечаем, и это проходит мимо нашего внимания и не оставляет того впечатления, какое талантливо запечатлел в своем стихотворении талантливый поэт.

Хотелось бы полностью восстановить это стихотворение, которое когда-то /я/ знал наизусть, но теперь память отказывается воспроизвести его. Но все-таки хочется отметить хоть некоторые штрихи его. Вот некоторые из /этих/ штрихов. Все, что выходит из рук японца, то носит следы аккуратности, точности, продуманности, и при том не лишено известного художественного вкуса, данного ему от природы. И действительно, возьмем ли мы для примера обычную в его домашнем обиходе посуду. Каждая чашечка, лаковая ли, или фарфоровая, или же глиняная, она непременно украшена рисунком цветка ли, или ландшафта, и вполне соответствует по своей вместимости его аппетиту. Кушает он с чувством и расстановкой, никогда не позволяя себе лишнего, любуясь цветком на его посуде.

А его /Бальмонта/ сравнение японки с ирисом, как удачно по старинной её двухэтажной прическе с воткнутым искусственным, чаще всего, цветоч-

ком. Её тонкая, хрупкая с виду фигурка в красочном кимоно, точно соответствующем её возрасту, с удивительно подобранными тонами материи, в чем по выбору их ей может позавидовать любая законодательница мод Парижа. «Я ирис увидел в цвету, чей дух душист и стебель тонок. Хочу вот ту, и ту, и ту . . . », заканчивает он свои талантливые стихи, посвященные японке.

Появилась как-то в посольстве и тощая фигурка С.Яблоновского «в чем только душа держится», а какие чудные /у него статьи/, проникнутые большой наблюдательностью, полной душевной теплоты, любви и благожелательности ко всем его окружающим. Для него, как и для В.Г.Короленко, «несть ни эллина, ни иудея», в каждом он находит частицу чего-то хорошего, но и /когда/ осуждает плохое, его перо не исполнено чувств ненависти и злобы, этих недобрых чувств, не приносящих добра и спокойствия никому. Его корреспонденции в «Русском Слове» о Японии /были/ полны большой наблюдательности и должной оценки своеобразной жизни японцев, имеющей много хороших сторон.

Подкатил как-то к посольству цугом на рикше с подтолкачем В. Немирович-Данченко, а то пожалуй, одному человеку не справиться /было бы/ с его мощной фигурой по тому подъему, не подвезти к вестибюлю посольства, подъезд к которому занят крошечным садиком, в строго выдержанном японском стиле, с его кустарниковыми цветущими растениями, и со вкусом разбросанными среди них большими каменными глыбами, поросшими ярко-зеленым мхом. Его окладистая «а-ля Скобелев» борода поневоле напоминала фигуру «белого генерала», носившегося на своем белом коне в белом кителе по разным уголкам своего фронта, /заражая/ своей храбростью других. Среди сопровождавших /Скобелева/ в его свите можно было видеть молодого корреспондента В.Немирович-Данченко, много способствовавшего своим пером ореолу славы этого героя прошлого России.

Ему, как корреспонденту первой статьи, «не ходить за словом в карман». Достаточно было ему полуслова, чтобы он уселся на своего коня и лихо понеся вперед, развивая до бесконечности затронутую тему по своему разумению. Недаром его завистливые коллеги по перу называли «Немирович-Вральченко». Достаточно ему было сказать, что Япония не почилла на лаврах, что она ещё собирается снова удивить мир своей агрессией, не дав

развить мне эту тему до конца, как он «уселся на своего коня и помчался», и по-скобелевски помчался вперед без оглядки. В его уютной комнате «Империял-отеля» рисовалось в его воображении, как японцы, закутанные в бараньи меха, по снеговым сугробам двигают свои полчища по необъятным просторам Приамурья, и к Камчатке, и к Байкалу, забыв, что они жители субтропической страны, что им нужно солнце и тепло, а не сибирские морозы. Естественно, что они стремились приблизиться к тропическим странам, но только запугивали Сталина и его сообщников, чтобы они не трогали их. Для этого они вошли и в союзные отношения с СССР, о ненападении на них, и никак не ожидали с их /советской/ стороны такого коварства, что они вонзят им в спину свой предательский кинжал. Если бы этой их /японцев — П.П./ агрессии не воспротивились САСШтаты, они /японцы/ были бы хозяевами положения в Азии и всех прилегающих к ней островов. Холодная и тощая Сибирь, с ее стужами, их никогда не заманивала. Это был только с их стороны дипломатический маневр с картами, раскрашенными в один цвет с Японией, как ее территория вплоть до Урала. Этому прежде всего воспротивился бы их единомышленник Хитлер, поощрявший их в их агрессии в Азии. Ими ещё задолго до окончания войны, в дни их успехов обсуждался серьезно план о соединении сплошным железнодорожным путем Токио с Берлином. Если немцам и японцам простительно не знать русской поговорки «не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати», то Маленкову с его приспешниками не знать ее преступно, а ведь он хвастается, что юг Китая соединен с Москвой сплошным железнодорожным путем, а стало быть, победа у него в кармане, с помощью невинных жертв Китая.

Припоминается по Посольству и другая фигура, печального образа, о которой лучше следовало бы умолчать, - это появление в Токио протоиерея Восторгова, видного деятеля «Союза русского народа». Значительно раньше до его приезда на страницах «Нового Времени» появилась короткая заметка, без всяких комментариев: «Состав Русского Посольства в Токио: Посол — Малевский, советник — Броневский, студент Заневский».

С места в карьер почтенным протоиереем была выявлена им цель своего посещения — привлечь членов посольства в «Союз русского народа». Малевский и Броневский, деды которых погибли под Бородином, своей гру-

дью защищая подступы неприятеля к сердцу России Москве, только улыбнулись на подобное предложение. После завтрака, устроенного послом в честь гостя, за которым без всяких предварительных крепких напитков с соответствующей закуской, о которых русским приходится забыть, к чему отец Восторгов привык у себя дома, что было ясно видно по его упитанной фигуре, и /которому/ пришлось ограничиться лишь несколькими рюмками вина, разлитого камердинером в установленное по этикету количество рюмок, он /Восторгов/ уехал к Архиепископу Японскому Николаю, пообещав вечером пообедать у меня. Как впоследствии выяснилось, его визит к Архиепископу оказался тоже не совсем удачным, так как к нему он /Восторгов/ явился в роли как бы ревизора. Ни разу никто к нему /Архиепископу/ в роли ревизора не появлялся со времени начала открытия миссии Православной церкви в Японии. Конечно, ни к какой ревизии он /Архиепископ/ его /Восторгова/ не допустил, но при своей доброте все же не высказал какого-либо неудовольствия.

В то время я не был ещё трезвенником и вегетарианцем, к чему меня побудило серьезное положение моего здоровья, приговоренного знаменитостями Токио, как серьезно больного и сердцем, и печенью, и почками, к неминуемой смерти, так как против испорченных в такой степени сердца, печени, почек медицина не знала каких-либо средств /могущих мне помочь/. Случайно попавшаяся мне /позднее/ «Диета» Хейга поставила меня «на ноги», и благодаря рекомендуемому им режиму, связанному с работами в саду, я вот уже приближаюсь к 80-ти летнему возрасту и более 30 лет не знаю, что существуют какие-то одышки, боли в пояснице, и даже о существовании насморка позабыл.

В те времена я рад был гостям и тоже не прочь был позволить себе выпить. За неимением водки нам пришлось довольствоваться более серьезными напитками — виски, коньяком и другими. Скоро о.Восторгов охмелел и заговорил о своей миссии, о значении «Союза русского народа», указав, что мне не мешало /бы/ войти в число его членов — это выгодно. Когда он вплотную подошел с этим вопросом, я ему ответил, к его неудовольствию, что для меня «несть ни эллина, ни иудея», что евреев, воспитанных на русской культуре, учившихся в тех же русских школах, я считаю теми же русскими, так же любящими свою родину, желающими ей не меньше добра,

чем другие, но вся беда, что в этом случае каждый по своему рецепту понимает эту любовь и действует. Всех нас довольно мудреное дело соединить в одно целое, не лишив в этом случае известной свободы, этого самого дорогого для человека. Я ею дорожу и до сих пор ни в какие общества или организации не вступал и не собираюсь вступать. Видимо, против моих аргументов он не нашел возможным особенно возражать и не без грусти заметил, что «на этом я кормлюсь, иначе в Японию, эту прелестную страну, не попал бы». «Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме», - вспомнил я эту меткую поговорку, и стало мне тоскливо, если такие люди собираются спасать Россию.

Через некоторое время, спустя, кажется, полгода, посол Малевский-Малевиц без всякого повода был отозван и снят с поста посла и назначен членом Сената, а не Государственного Совета, как обычно /делалось/. Его сменил В.Крупенский.

С молодых лет я посвятил себя изучению Японии, но далек от мысли считать, что изучил Японию, что освоил черты характера её народа, понял сущность его своеобразной жизни и устремлений, а также изучил его трудный язык, с его трудно поддающейся освоению иероглифической письменностью, позаимствованной от Китая. Несомненно, это люди высокой культуры особого стиля, мало похожего на Китай. Китай, в этом случае, и его цивилизация — в самом отдаленном прошлом Японии, начиная с 3-го века по Р.Х., оказывали влияние на все стороны жизни Японии и ее народа. От них, собственно, а не из Кореи, как это зафиксировано историей прошлого Японии, было заимствовано высокое учение Будды, которое прекрасно уживается вместе с национальной их религией, построенной на их мифологии с семью богами счастья, зовущими к обычной жизни довольства и веселья.

Не совсем понятен мне был и тот антураж, с которым проходили похороны императора Мейдзи, на которых мне довелось присутствовать. Когда говорят, что он был творцом и вдохновителем нового режима, усвоения достижений Европы и Америки, то забывают, что нашлись выдающиеся госудаоственные деятели и он пошел им навстречу, а вернее — не мешал передовым умам его страны, /считавшим/ что Япония должна отрешиться от своей замкнутости, /выйдя/ на арену мировой истории в качестве равноправном с другими народами. Встречена была смерть императора с непод-

дельным чувством горя и траура. Нужно было видеть десятки тысяч народа, стекавшегося из отдаленных уголков Японии, чтобы снаружи дворца поклониться праху покойника. Сами похороны отличались исключительной торжественностью по старинному обряду. Ровно в полночь двинулась урна с сожженным прахом, везомая в особой высокой колеснице, покрытой черным лаком, везли которую восемь черных быков к месту, избранному самим упокойником.

Еще до прибытия праха к месту похорон, у могилы в особом павильоне для ожидания собрался в полном сборе Дипломатический корпус во главе с послами, специально присланными для возложения венка на могилу покойного. От Англии — принц Конаутский /Кентский/, от Германии — принц Прусский, от Испании — представитель принц Бурбонской королевской династии, от всех других государств - особые именитые заслуженные государственные деятели. Только русским императором не был соблюден этот декорум, как это было истолковано, по причине /того/ что император не мог примириться с тем, что Япония в минувшую Русско-японскую войну оказалась победительницей. Со стороны японских государственных деятелей /были/ употреблены все усилия, чтобы этот неприятный эпизод войны, вызванной скорее по вине государственных деятелей России, нежели Японии, был бы забыт, сглажен из памяти. Венок было поручено государем возложить русскому послу, который шел в хвосте этой процессии. Когда с наступлением Первой мировой войны Россия сразу же ощутила недостаток в военном снаряжении, и военное ведомство обратилось за помощью к Японии, тогда для подкрепления этой просьбы был в Японию прислан великий князь Георгий Михайлович. Но и без этого подкрепления японцами не было бы отказа России в этой помощи.

В ожидании погребальной процессии Дипломатическому корпусу стало известно, что в тот момент, как двинулась процессия с прахом императора из дворца, совершил харакири генерал Ноги, герой Порт-Артура, чтобы служить своему сюзерену в его загробной жизни, и жена его тоже лишила себя жизни. Сам он все время скорбел, что благодаря ему гибло под Порт-Артуром столько напрасных жертв японской молодежи, выявляя свое беззаветное геройство. Это признавал он и за русскими защитниками крепости, и в то же время заслуги доблести генерала Стесселя, который защищался

до последней возможности, тогда как у нас досужая молва не признавала за ним этого, считая его виновником преждевременной сдачи крепости, считая, что крепость еще можно было оборонять.

Поступок этот генерала Ноги воскресил у японцев в их памяти прошлое их истории, когда довольно часто бывали подобные случаи, когда /люди/ заканчивали свои жизни /посредством/ харакири, и такие лица этим увековечивали свои имена в памяти потомства, памятники которым /людям/ можно встретить во многих местах Японии.

Несколько раньше мне пришлось присутствовать на похоронах Архиепископа Японского Николая, первосвященника Православной церкви в Японии. Прибыл он в Японию в город Хакодате на о.Хоккайдо в молодые годы, когда в памяти японцев были еще свежи следы гонения на последователей христианских религий, когда их свергали в пучину бушующего океана, когда отец выгонял своего сына из дому за принятие им христианства. Деятельный, неутомимый в своей работе, полный бессеребряник, анахорет в своей жизни, /Николай/ быстро сумел привлечь сердца к себе проповедью христианской любви к ближнему . . . Был построен величественный Собор, доминирующий над Токио, на пожертвования русского народа на распространение православия среди языческих народов. Число православных /росло/ благодаря его неутомимой деятельности и примеру истинного христианина, полного бессеребряника. Умер с пером в руках по переводу книг Святого Писания. Хоронили его с особой торжественностью. На гроб его был прислан венок японским императором и русским /императором/. Его популярность стала особенно быстро расти после того случая, когда с началом Русско-японской войны близкие его сотрудники, опасаясь эксцессов со стороны фанатиков-патриотов, которые могут угрожать его жизни, предложили на время войны уехать к себе на родину, где он и не был со времени прибытия в Японию, приблизительно около 50 лет, но такое предложение он счел для себя кровной обидой и остался в Японии, и ничто его не утрастило, чтобы покинуть свою паству.

В 1923 году Собор во время великого землетрясения Токио был разрушен. Помощи со стороны русских, на какую православные японцы могли бы рассчитывать в обычное время, нельзя было ожидать. В этом случае пришли на помощь чаоторговцы Ханькоу и другие беженцы, оказавшиеся при

деньгах, но была при этом оказана помощь и со стороны японских властей. Бывший в это время Архиепископом Японским Сергей был возведен по восстановлению Собора Московским патриархом в сан митрополита Японской церкви. По началу революции он признал его юрисдикцию, не допуская возможности, что Московский патриарх, возглавитель (так в тексте!) православной церкви в России, может стать простой пешкой в руках верхов коммунизма, прочно свивших себе гнездо в сердце ее.

Незадолго до своей смерти Митрополит Японский Сергей осознал свою ошибку и этого не скрывал от других, но выступить открыто с таким заявлением не решался по своему мягкому характеру, вернее — по своей бесхарактерности.

С его смертью Японская Православная церковь /осталась/ без своего возглавителя епископа. Не в духе верхов коммунизма было помочь в этом японцам, а сам Митрополит Московский без указаний их не решался кого-либо назначить. В этом случае на помощь Японии /пришел/ Митрополит всея Америки Леонтий, назначив Архиепископа Питсбургского Вениамина, как возглавителя Японской Православной церкви. Трудно было ему в преклонном возрасте приспособливаться к новым условиям жизни, и он не так давно вернулся на свою кафедру в САСШтаты, а его заместителем назначен сравнительно еще молодой, полный энергии епископ Иреней, в прошлом беженец, испытывавший на себе тяжелые условия и при режиме Сталина, и Хитлера. В своих проповедях он сможет ознакомить с условиями действительно той ненормальной во всех отношениях, равно как и в церковном, жизни, как свою японскую паству, так и поведает о тяжелой участи наших собратьев за «железным занавесом».

С назначением меня российским консулом в Дайрен для меня настала самая тяжелая и неприятная полоса в моей жизни. Появились беженцы из России, и вполне естественно они искали и ожидали помощи от консульства. Такими многочисленными средствами оно не располагало. Постепенно, при русской предприимчивости и находчивости русского человека, они приспособивались к местным условиям и быстро становились «на ноги». Нужно отдать должное, что в этом случае им пришли на помощь и японские власти, и представители разных иностранных фирм.

Среди беженцев /в Дайрене/ оказался владелец дома, /некогда/ арендо-

ванного у него под консульство на условиях ежегодного возобновления контракта по взаимному согласию. Консульству пришлось искать новое помещение, что по тем временам было не так легко. По счастью, незадолго до революции им /т.е., консульством — П.П./ был арендован у японских властей под устройство здания для консульства земельный участок в центральной части города, за который оно обязано было платить ежегодно аренду в размере 700 иен. Таких средств у консульства с началом революции не оказалось. Пришлось обратиться к начальнику Гражданского управления и просить об отсрочке платежа, чтобы не утратить право на участок в ходе быстрого расширения Дайрена /и/ поднятия цен на земельную собственность. Вдруг совершенно случайно пришла идея в виду вздорожания земельной собственности просить его /т.е., начальника Гражданского управления Дайрена — П.П./ разрешения продать часть участка, оставив часть его, вполне достаточную для сооружения здания для консульства. Переговоры по этому делу увенчались успехом, но с условием, что часть участка будет предоставлена какому-либо из японских официальных учреждений, как расположенному в центре города среди других правительственных учреждений и банков. Меня это еще больше устраивало, так как сделка с частным лицом могла бы вызвать разные кривотолки не в мою пользу. Таким учреждением оказалось «Восточно-колониционное Общество», учрежденное японским правительством в целях облегчения колонизации японцами Южной Маньчжурии и снабжения их кредитами на разные предприятия. Впоследствии, когда консульство, согласно инструкции посольства в связи с признанием Японией правительства СССР, в 1925 году было передано японским властям, я сам пользовался его кредитами для покупки поблизости Дайрена земли и насаждения фруктового сада, а с ликвидацией его — на покупку дома в Дайрене.

Само Общество оценило участок, предоставляемый ему, в размерах значительно больше, чем я предполагал — в 150 000 иен. На эти деньги я смог устроить 3-х этажное здание с полуподвальным этажом и с квартирами для сотрудников. Оставшиеся 50 тыс., как неприкосновенный капитал, давали возможность на получаемые с него проценты отапливать и содержать здание.

При самом сильном воображении трудно было тогда предположить, что в

нем со временем будет помещаться ГПУ и из-за железных решеток полу-подвального этажа здания консульства будут выглядывать грустные лица, ожидающие сурового приговора этого учреждения, не знающего пощады для инакомыслящих с ним.

С занятием Дайрена после минувшей войны /т.е., Второй мировой — П.П./ верхами коммунизма Москвы, ими /было/ экспроприровано под консульство здание более крупных размеров, какими японское правительство, а еще больше «Общество Южно-Маньчжурской железной дороги», украсили этот город.

Судьбы Господни неисповедимы. Где-то сказано в Священном Писании: «И возвратится ветер на круги своя». Все достижения Японии в области расширения ею своих владений после минувшей мировой войны были сведены на нет. А ведь японцы еще в мифологический период прошлого истории считали Корею своей страной, покоренной их воинственной императрицей Дзингу. Из Кореи в 6 веке по Р.Х. /Рождество Христово — П.П./ ими было заимствовано великое учение Будды, во многом заменившее национальную религию синто с мифологическими семью богами счастья, - Дайкоку, раздающим рис и золото; Эбису, заботливо выуживающим рыбу «тай», этот деликатес японского народа; Дзюродзин, с серьезным видом /и внешностью/ наподобие когда-то существовавшей сахарной головы — бог мудрости; Бисямон — со страшным выражением лица, бог войны; наконец, Бэнтэн - спускающаяся с небес прелестная богиня милосердия, - все они прекрасно уживаются и укладываются в голове японца. Обе религии и по сию пору прекрасно уживаются. Обряд при рождении ребенка выполняет священником религии синто, а хоронит японца буддистский священник по буддистскому обряду. Нет вражды у японцев и к христианам, которые по началу проникновения христианства, когда двери иностранцам были закрыты, подвергались местами преследованию и даже избиению. Школы, содержимые за счет миссионеров разных стран, в значительной степени содействуют увеличению /количества/ их последователей и христианство заметно начинает пускать глубокие корни, и число последователей заметно увеличивается.

Номинальное господство Японии в Корее собирався превратить в фактическое ею обладание великий государственный деятель Японии 16-го века

по Р.Х. генералиссимус Хидеиоси, которому новейшая история Японии присваивает имя «японского Наполеона». Его мечты простирались даже дальше этого — овладеть Китаем, но его преждевременная смерть помешала ему приступить к осуществлению его планов. Овладение Кореей и намерение осуществить то же и в отношении Китая приняло на себя современное поколение, но все это окончилось печальным финалом — «ветер вернулся на прежний свой круг».

Того же нужно ожидать и в отношении России. Верхи коммунизма должны будут испариться, и Россия вернется к своему прежнему руслу.

Если мы проследим жизнь каждого из нас, то не можем не заметить ряд тех случайностей, которыми она преисполнена. В конце концов они приводят к тому финалу, к которому поначалу у нас была склонность, что нам предназначено природой от нашего рождения.

Даже Наполеон, которого история признала как гениального полководца, приписывал все свои успехи случайностям и в результате умер как узник.

Вспоминаю слова Конфуция — когда к нему начали приставать его ученики, чтобы он разъяснил им, в чем состоит цель жизни человека, каково его назначение, он им коротко ответил: «Пусть каждый из вас хоть одно дерево посадит, живите в единении с природой и любите ее».

Инстинктивное мое стремление /состояло в том, чтобы/ с молодых лет строить свою жизнь именно в этом духе, /пока/ коренным образом оно не было изменено и пошло по другому руслу, но в результате я «сйжу на земле» и только теперь познаю все прелести своей жизни. Говорят, что «старость - не радость», но именно благодаря такому образу моей жизни я доволен и старостью, и во многом чувствую себя лучше, чем в молодые годы. Я каждый день вижу результаты своего труда. Я посадил несколько тысяч фруктовых деревьев поблизости Дайрена, а теперь — несколько сот декоративных деревьев у себя в саду в Сузурандае. Только в Японии на площади около сажени квадратной могут уживаться и прекрасно расти до десяти самых разнообразных насаждений. Одних разновидностей клена с его красивой узорчатой листвой разных колеров собрано мной до 10 сортов. Круглый год среди насаждений моего сада какое-нибудь растение цветет. Словом, получился волшебный уголок, вдобавок с дивной панорамой на ряд окружающих его, круглый год зеленеющих гор.

Но возвращусь к Дайрену, где оставивши консульство, я «сел на землю», занявшись садоводством, и будучи одним из первых садоводов на Квантуне. Пока деревья начали приносить плоды, пришлось изыскивать какой-либо другой источник доходов. Была организована молочная ферма на акционерных началах из 4-х компаньонов о 4-х коровах. К ней были добавлены разные другие виды хозяйства, как-то: пчеловодство, куроводство, козеводство и свиноводство. Последнее оказалось самой прибыльной статьёй доходности, когда начали коптить окорока и выделывать колбасы. Неизменно деятельной помощницей в хозяйстве оказалась ныне покойная старуха сестра, оказавшая в прошлом помощь мне своими 100 рублями /чтобы/ добраться из Одессы во Владивосток, с дочерью моего покойного старшего брата, подростком. Последняя выявила свои большие способности по части бухгалтерии. По этой дороге она и пошла впоследствии, став бухгалтером крупного швейцарского алюминиевого общества в Шанхае. Вовремя бежавши оттуда, с передышкой около года на о.Тюбабао, она очутилась в Нью-Йорке на службе в «Алюминум Импорт Корпорейшен». Думалось ли мне когда-либо, что эта крошка явится в результате всех коммерческих комбинаций своего дядюшки его кормилицей, какой она оказалась сейчас в действительности. Не расплатись /она/ с долгами своего дядюшки под обеспечение дома, он давно уже лишился бы его. Пожалуй, теперь, в его годы, ему ничего «не скомбинировать», чем он смог бы добывать себе средства к существованию. Получая от нее ежемесячно «пенсию», все свои расчеты он /дядюшка, т.е.сам Васкевич — П.П./ строит на ликвидации своей картинной галереи и разных японских и китайских художественных изделий, собранных им в лучшие времена его прошлого, когда он, с ликвидацией своего имущества поблизости Дайрена незадолго до начала минувшей войны, переехал на жительство в Японию /будучи/ богатым человеком. Ему с избытком хватило бы этих средств при прежних условиях жизни в Японии до глубокой старости, даже до 100 лет, как он предполагает при своем режиме дожить, но результаты минувшей войны все перевернули вверх дном. Я еще счастливо отделался, купивши вовремя землю, выстроивши дом и вложивши часть капитала в разные художественные вещи, с экземплярами, заслуживающими стен музеев. Не желая все же сидеть «на шее» своей дорогой племянницы, я решился вступить в переписку с Рок-

феллером в бытность его в Японии, о приобретении им моей коллекции, но как и нужно было ожидать, получил от его секретаря весьма любезный ответ, что, к сожалению, его шеф не располагает временем, чтобы осмотреть мою коллекцию. Опытные коммерсанты говорят, что если бы я оценил свою коллекцию не в 26 тысяч долларов, а в 226 тысяч долларов, то у него нашлось бы время ее осмотреть. «Надежды юношей питают, отраду старцам подают». Вот и сижу я теперь у моря и жду погоды, может быть, найдется Рокфеллер маркой пониже, который бы купил у меня мою коллекцию.

Летом свой дом на молочной ферме я сдавал дачникам. В моей памяти воскрес облик атамана Семенова, бывшего у меня одним из дачников, снимавшим две комнаты с платой в месяц по 200 иен. Он оказался одним из самых у меня неаккуратных плательщиков, хотя досужая молва упорно распространяла, что у него хранятся целые горы запасов золота, добытых всевозможными реквизициями. Вспомнилось, как как-то в консульстве появился его агент, некто Нахабов, в прошлом мне случайно известный по посольству, когда он явился за вспомоществованием ему как обокраденному в пути. Ему было выдано 25 иен, а через некоторое время из Владивостока была получена бумага, что из тюрьмы бежал этот Нахабов в Японию, с просьбой обратиться к японским властям о его аресте и препровождении во Владивосток. Обратился он /на сей раз/ в консульство за содействием в получении явно чужих грузов, застрявших в таможене. Конечно, такого содействия он не получил. В результате, через некоторое время консульством была получена официальная бумага за подписью атамана Семенова и секретаря его канцелярии генерала Афанасьева, в прошлом военного судьи, о предании меня военно-полевому суду за неоказание содействия его агенту. Я спокойно приобщил эту бумагу к архиву консульства, но только меня удивило, как подобного рода бумага могла быть подписана в прошлом военным судьей, наверное, знакомым с нормами международного права.

Когда я как-то припомнил атаману Семенову об этом случае и высказал удивление, как он мог окружать себя подобными личностями, на это последовал ответ, что Нахабов явился в его штаб с пожертвованием на борьбу с большевиками 100 000 рублей и выявлял себя ярким их противником.

А когда я ему напомнил о досужей молве, что он является пособником к

овладению японцами Приамурским краем, вместе с родным ему Забайкальем, /то/ он с большой горячностью ответил, /дескать/ как я могу ему, природному казаку Забайкалья, предки которого искони являлись защитниками порядка внутри России и защитниками ее границы от внешнего врага, /говорить подобное, и/ я склонен был поверить /его словам/, тем более что у меня самого сложилось представление, мной уже выше отмеченное, что японцы собираются расширять свои владения к югу, где ждет привычное им тепло, а не морозы пустынной Сибири, где им самим пришлось бы тяжело работать, тогда как в Китае и на островах, примыкающих к нему на юге, сколько угодно дешевого труда и неизмеримо больше разных природных богатств, чем в Сибири.

Тот же удовлетворительный ответ получил от него, когда /я/ напомнил, что он сдерживал грузы, шедшие на помощь белой армии адмирала Колчака — что ему якобы доподлинно было известно, что эти грузы в Иркутске задерживались комиссаром, даже фамилия его осталась в памяти — Яковлевым — который ими пользовался на организацию отрядов против армии адмирала Колчака. Лично мне рисовалось, что фигура атамана Семенова поддерживалась японцами как своего рода дипломатический «шахматный ход», как угроза тем же большевикам, если бы они в будущем собрались аннулировать их /т.е., японцев — П.П./ достижения по Портсмутскому договору в Южной Маньчжурии и то же — в Корее, не говоря уже о Южной части о.Сахалина. В нем они /японцы в Семенове/ склонны были видеть того же своего рода Хитлера, который сумеет, когда настанет к тому время, повести массы русского населения против большевиков, но атаман есаул Семенов был далек от капрала Хитлера, чтобы оставить после себя крупный след в истории революции, даже когда возможны всякие неожиданности по нынешним временам.

Среди жильцов-дачников на даче был и потомок большого государственного деятеля в прошлом истории России, бывший офицер в прошлом одного из блестящих гвардейских полков, А. А. Карамзин, с супругой и двумя прелестными детками, мальчиком и девочкой. Шустрый сынишка его был деятельным помощником в моих работах, сопровождая меня и выражая желание в чем-нибудь мне помочь. По способностям и силам своих лет он только мог подносить мне корзинку с разными орудиями при работах, са-

довые ножницы, пилку и другие мелочи — обязанности, которые выполнял у меня прирученный для этого пудель Мишка. Я видел, как он ревновал собачонку, и как ему хотелось быть в этом мне полезным, и я охотно это его желание исполнил и наблюдал, как Мишка этим был недоволен. Расстался я с этим милым семейством и потерял их из виду, как вдруг получаю из о. Тюбабао от племянницы письмо, в котором она сообщает, что встретила с семьей Карамзиных: Алеша уже стал великолепным 30-летним мужчиной, и что интереснее всего - что она успела влюбиться в него, пользуется его взаимностью, и что оба они намерены строить свое будущее в полном единении. Конечно, этим известием я был бесконечно обрадован, помня Алешу как мальчика с добрым сердцем, этой основой счастливого брака, и заочно их благословил. /Вот/ Еще один из случаев, оставшихся навсегда в моей памяти.

Читаю как-то в газетах, что пароходством «Осака сиосэн кайша» спущен в Кобэ только что отстроенный пароход «Бразил-мару», предназначенный для кругосветного путешествия со всеми новейшими усовершенствованиями, приспособленный главным образом для туристов. «Вот бы приятно было на нем совершить путешествие»- подумал я, но — «рад бы попасть в рай, да грехи не пускают»: кроме долга «Восточно-колониционному Обществу», за счет которого был построен дом, никаких других средств в наличии не имеется. Давно /я/ подыскивал покупателя на дом, чтобы рассчитаться с долгами, да охотника не находится, когда услышат цену. Случайно встречаюсь с директором местного отделения того пароходного Общества, которому принадлежит «Бразил-мару». Пользуюсь случаем предложить ему свой дом. /Он/ Заинтересовался, осмотрел, спрашивает: сколько просите за дом. Отвечаю: 40000 иен, вместо 30000, за которые готов был уступить другим покупателям. - Несколько дороговато. - Согласен на 30 тысяч плюс к этому билет 1-го класса на «Бразил-мару», стоящий 3 тысячи иен. — Телеграфирую Ваши условия в контору Общества. Через дня три получаю благоприятный ответ и начинаю сборы в Кобэ, откуда пароход начинает свой кругосветный вояж: Гонолулу, Сан-Франциско, Панамский канал, все государства Южной Америки, вокруг Африки, Цейлон, и ряд других портов на островах, примыкающих к Китаю на юге, и снова Кобэ — всего пути три месяца с небольшим.

Хочется уделить несколько строк описанию самого парохода, отделанного исключительно с большим вкусом и продуманностью. Описание на нем моего путешествия в свое время появилось на страницах «Харбинского времени», начиная с 21 января 1940 г. Одно удовольствие было из уютной одноместной каюты с отдельной ванной при ней подняться наверх в гостиную, декорированную художественно вышитыми панно видов Японии, и посидеть в удобном кресле, слушая с утра прекрасную игру известной японской пианистки С. Иноуэ, ученицы нашей соотечественницы мадам О. Тодорович, оставившей после себя в Токио заметный след в музыкальном мире по подготовке своих учениц, многие из которых закончили свое музыкальное образование в консерватории и шли в числе первых учениц. Она сумела своей ученице С.Иноуэ привить любовь к русской музыке. В ее концертах, с которыми она выступала почти во всех портах остановки парохода, превалировали русские композиторы, по преимуществу — произведения Чайковского.

Меню завтрака и обеда с его обилием блюд удовлетворяло по своему исполнению вкусам самого строгого гурмана. Наличие бассейна для купанья, а также разных спортивных площадок, включая до детской с игрушками, довершали все удобства /удовлетворяющие/ самого избалованного и прихотливого пассажира.

К прибытию парохода в каждом порту поджидали автомобили с проводниками по всем достопримечательностям данного района. Остановка в Сан-Франциско парохода на два дня, как и в других значительных портах, как Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Кэптаун /Кейптаун/ и других, давала возможность пассажирам парохода видеть то, чего далеко многие старожилы этих мест не собрались /бы/ осмотреть. Во время остановки в Сан-Франциско нам удалось побывать даже в Мевиске, не говоря уже о Лос-Анжелосе с осмотром синемаграфических студий Холи-ууда /Голливуда — П.П./, куда обычно доступ иметь не так легко. По пути побывали и в парке Йосемите, и в Университете Станфорда в Пало-Альто /Стэнфордский университет — П.П./, где нам для курьеза кроме университета был показан подъезд к резиденции бывшего президента Хувера, разбитый в японском стиле, но все же /в итоге/ получился «Федот — да не тот» /т.е., вышло не вполне по-японски/.

Во время отсутствия пассажиров пароход предоставлялся в распоряжение посетителей, а по вечерам устраивались на нем банкеты для именитых граждан порта и его округи.

Словом, все было обдуманно, чтобы «показать товар лицом». Это была лучшая реклама для достижений Японии в области судостроительства и их художественного вкуса. И только подумать! Ужас берет /при мысли/, что на следующий год, с началом войны этот пароход был обращен в военный транспорт и был уничтожен бомбой с американского аэроплана у берегов одного из островов, раскинутых на юге Китая.

Так дальше человечество жить не должно, пора наконец серьезно подумать и предать войны тяжелому прошлому, которое должно быть забыто. В этом направлении делаются все усилия свободными гражданами САСШатов. Будем жить надеждой, что с помощью Объединенных Наций им удастся это осуществить. В этом кроется их провиденциальная миссия. Их Статуя Свободы при входе в Нью-Йорк, этот главный нерв жизни Америки, зовет все остальные народы к свободе, чуждой тех эфемерных фантастических идей верхов коммунизма, засевших в Москве, какие они стараются навязать народам всего мира и обратить их в послушных им рабов.

Вернувшись в Кобэ, преисполненный лучших чувств к японцам, давшим мне возможность получить во время путешествия удовольствие высшего порядка, я счел необходимым поделиться своими впечатлениями с вдовой моего сослуживца по посольству в Токио /В. А. Скородумова/ скончавшегося в Кобэ в должности российского консула, проживающей в Сузурандае, поблизости Кобэ. Выйдя из дому, мне вздумалось полюбоваться его красивыми окрестностями. По пути мое внимание привлекли три вековых сосны, расположенные на горе, куда меня инстинктивно потянуло подняться к ним. Оказалось, это не так легко сделать, так как гора представляла собой непроходимые джунгли. Но невозможное оказалось возможным, и через минут 20 тяжелого пути я оказался у их подножия, очарованный дивной панорамой окрестностей — гор ярко-зеленого оттенка. Вот где я должен доживать свои последние годы и еще кое-что создать на земле, оставить после себя след и в Японии, в области созидания «на земле» в виде разного рода насаждений, вспомнив при этом завет Конфуция своим ученикам.

Я вернулся в дом госпожи Скородумовой, японки, подарившей мужу

своему трех прекрасных и по характеру и /по/ красоте дочерей, устроивших свою судьбу «по-современному» — одна вышла замуж за немца, другая - за американца, а третья - за итальянца. Все это «такое столпотворение народов» наделали последние войны. Поделившись засевшей у меня мыслью заканчивать свои годы у подножия этих трех вековых сосен, я высказал, что если бы не так израсходовался во время своего кругосветного вояжа, то точас же постарался /бы/ приобрести земельный участок в Сузурандае с этими тремя соснами. - «Так я вам его куплю», - был ответ. С покойным ее мужем были у меня денежные расчеты, и я был аккуратным плательщиком своих долгов, с известной прибылью.

Вернувшись домой в Дайрен в Какакаси, когда я рассказал своей старушке сестрице о таком своем решении, она пришла в ужас. Куда в наши годы двигаться с места — этого прекрасного теплого двухэтажного дома со всеми удобствами, с пчельником, виноградником, прекрасным погребом, где зрели вина собственного производства из винограда и меда собственного, вдобавок с чудным видом на взморье, с живописно раскинувшимися вдали островами. Но мысль эта меня не покидала, особенно когда через недели две я получил купчую крепость от мадам Скородумовой на земельный участок с теми тремя вековыми соснами, которые не давали мне спокойствия. Оставалось теперь ликвидировать свое имущество в Какакаси, куда я всего два года тому назад переселился, ликвидировав свое имущество в Инченцзы — почти рядом, по тому же морскому побережью поблизости Дайрена. Если в Дайрене мне стоило больших трудов, лишь случайно найти покупателя на дом, то тем более оказалось это трудным /делом/ в Какакаси — оживленном морском курорте, «глошшем» к зиме. Тут и вспомнилась поговорка: «купить — что клопа убить, а продать — что блоху поймать». Вот я и ловил все ускользавшую от меня блоху, когда покупатель узнавал мою цену, те же 30 тысяч, что я просил за свой 3-х этажный дом с тремя доходными квартирами, ту же сумму. В одно прекрасное утро появляется китаец-повар и сообщает, что пришел покупатель на дом. Когда я взглянул на этого грязно одетого «ходьку», у меня пропало всякое желание с ним разговаривать. Но все же сказал повару, пусть показывает дом. Когда покупатель заинтересовался, /то/ чтобы отвязаться от него, я запросил с него вдвое дороже, 60 тысяч иен. - Уступите! - «Ладно, 10 тысяч уступлю,

но ни копейки меньше». «Завтра принесу деньги», - был ответ. Таким образом, я сразу же развязался с домом и сделался богатым человеком, рассчитавшись раньше, по ликвидации своего дома в Дайрене, с долгами. Не замедлил отправиться в Сузурандаи для того, что нужно /было/ торопиться с постройкой дома.

Сестра условием своего переезда выставила, чтобы с ней жила в качестве сиделки незадолго до этого овдовевшая /госпожа/ Меклер, японка, прекрасно говорящая по-русски. Дом, доставшийся ей после смерти мужа, по соседству с моим в Какакаси, она вскоре ликвидировала, а когда /моя/ сестра умерла, сама уехала к себе на родину в Нагасаки. Когда через полгода мой дом /в Сузурандае/ был выстроен, сестры моей в живых не оказалось. Предстояло жить в одиночестве.

Неожиданно случайно поинтересовался, как я устроился в Сузурандае, мой сослуживец по посольству Дмитрий Иванович Абрикосов. Его внимание также привлекли эти таинственные три вековые сосны у окон только что отстроенного дома. Понравился /ему/ и уют в доме, стены которого были украшены редкими художественными японскими и китайскими картинами, и само расположение комнат в доме, который был спроектирован в Дайрене одним из строителей в прошлом Цинтао /Циньдао/, который планировал мне дома в Дайрене, и они благодаря его планировке никогда у меня не пустовали. Ему я во многом обязан своему благополучию и пользуюсь случаем, чтобы архитектора В/алена?нрзб/ помянуть добрым словом и выразить ему свою благодарность.

Д.И.Абрикосов, не собиравшийся никуда двигаться из Токио из своего прекрасного особняка, в котором он прожил около 20 лет, передавши посольство, которым он управлял с отъездом посла Крупенского в Париж до признания японским правительством СССР в 1925 г., японским властям, согласно инструкции Российского посла в Париже Маклакова, который возглавлял все посольские и консульские учреждения во всех государствах до признания ими правительства СССР, неожиданно для себя самого решил поселиться вместе со мной в Сузурандае. Мирно и тихо зажили два старика, распределивши все обязанности по дому по взаимному соглашению между собой, чтобы обходиться без прислуги. Он взял на себя несложные обязанности судомойки и бил нещадно при этом посуду; на мою долю вы-

пала более сложная обязанность, требующая известных познаний в области кулинарии - повара. Хотя стол у нас был самый несложный вегетарианский, но повар из меня получился далеко неважный. Стоило показаться над кастрюлей пару, как я уже считал блюдо готовым. Мысли мои все время витали на огороде, что входило в круг моих обязанностей исполнять роль огородника. Дмитрий Иванович /вдобавок/ к своим обязанностям нес еще обязанности фуражира, и ему, бедняге, частенько приходилось выстаивать в очереди часами, пока не сжалилась над нами старушка, взявшая на себя с фунтом сахара эти обязанности. Ко всему он еще с большим увлечением спиливал лишние вековые деревья на участке и превращал их в дрова, предварительно убрав утром все комнаты, подмета даже наружные в саду дорожки. Все это каждым из нас выполнялось с увлечением, без всяких жалоб и сетований на нашу судьбу.

Жили экономно, чтобы не сказать — скудовато. Когда фунт масла поднялся в цене с 50 до 62 иен, фуражир /т.е., Абрикосов — П.П./ объявил, что такая роскошь нам не по средствам. Теперь масло поднялось до 365 иен, но эту роскошь я могу себе изредка позволить, не выходя из моего пятидесятидолларового бюджета, который аккуратно выплачивает мне ежемесячно из своего незавидного бюджета моя племянница Е.Н.Карамзина. Последнее обстоятельство /т.е., материальная зависимость от небогатой племянницы — П.П./ и побуждает меня искать покупателя на мою коллекцию картин и других разных японских и китайских художественных изделий и вещей, с которыми мне будет труднее расставаться, чем с моими костюмами, включая до занавесок, /которые я продал/ чтобы покрывать свои расходы на пропитание во время минувшей войны. Мой сожитель /Абрикосов/ был тоже в положении не лучше моего. Я мог хоть заложить свой дом, а с его замороженными капиталами в САСШтатах трудно было комбинировать. Он часто укорял меня в моей расточительности продуктов, угрожал, что вскоре мне придется его содержать за свой счет. Все расходы по дому у нас делились пополам, никто не мог сепаратно побаловать себя чем-нибудь вопреки желанию другого.

Чтобы разморозить свои капиталы, ему пришлось вскоре после минувшей войны, благодаря содействию бывшего посла САСШтатов /Джозефа Грю/ и нашего бывшего морского агента адмирала Дудорова, выехать в

Америку, где он поселился в Пало-Алто и там же скоро скончался. Незадолго до смерти он писал мне, что все ему там хорошо, но не хватает пилы и топора, которыми он любил орудовать в Сузурандае, а я добавлю от себя, что ему не хватало еще того, может быть, и не так вкусного, вегетарианского супа в изготовлении плохого повара, какой он не имел в Пало-Алто с обилием там вредных мясных блюд.

Поселившись в Сузурандае, он избег смерти, когда его особняк был разрушен американскими бомбами до основания. Впрочем, этого он случайно избег и в Сузурандае, когда мы вместе с первым появлением американских аэропланов над Сузурандаем вышли на веранду понаблюдать за их полетом. Вдруг один из них быстро начал опускаться, /так/ что мы могли различить даже очки на пилоте, и вдруг неожиданно для нас раздался какой-то непонятный шелест среди растений у веранды. В это же время рядом со мной стоявший Д.И.Абрикосов поднял у моих ног пулю, которая лишь случайно не отправила меня на тот свет. Ее я храню как реликвию тех случайностей, которыми полна моя жизнь. Рядом с ней лежит заостренный молоток, который был занесен разбойником над моей головой, проникнувшим в дом рано утром, когда была открыта дверь в дом, и я наслаждался приятными звуками штраусовских вальсов под бритве и вышел из ванной комнаты в столовую, чтобы сменить пластинку. Я не стал вступать в единоборство с этим ряжим /ражим/ детиной, так редко встречающимся среди японцев. Громким повелительным голосом, простерши руки полного напряжения мускулов, я громко прокричал: «Остановись!». Он опустил свой молоток.

Я /не случайно/ так часто упоминал о тех трех вековых соснах, которые меня сюда привели и моего сожителя /Абрикосова/, который сразу же был ими заморожен. Не им ли мы обязаны своей жизнью?

Атаман Семенов поселился на покой в Какакаси, насколько мне известно, оставленный без внимания японцев. Там он соорудил себе дом, значительно уступающий моему, построенному там же, чтобы доживать свой век, ликвидировавши свой сад и молочную ферму в Инченцзы. Частенько /люди/ посещавшие меня спрашивали, где дворец атамана Семенова, /и/ я им тогда рекомендовал осмотреть лучше мое «палаццо», так как в действительности дом атамана Семенова ни по своей внешности, ни по внутренней

/отделке/ не мог сравниться с моим. Но досужая молва о миллионах, находящихся в его распоряжении, и наличии «царского золота» продолжала циркулировать. То же говорилось о «высокой политике» его, связанной с намерением японцев отторгнуть Приамурье и его родное Забайкалье, о чем мной уже было отмечено. Я поддерживал с ним добрососедские отношения, и мы изредка навещали друг друга. Но этого уже было достаточно, чтобы сопричислить и меня в число его сотрудников.

С появлением в результате минувшей войны в Дайрене представителей верхов Москвы, атаман с его окружением сразу же были отправлены в пределы «железного занавеса». Участь их как «инакомыслящих» теперь известна всем. Меня, конечно, постигла бы та же участь, если бы эти три таинственные сосны не заманили меня к себе. Я чувствовал, что нужно торопиться под их покров, покидая в Дайрене то, на что я не мог рассчитывать в Сузурандае. Я лишился своего «палаццо» и доживаю сейчас в скромном доме, не кирпичном, который не может оказывать должное сопротивление тайфунам, и черепицы с его крыши полетели, как перышки, во время последнего тайфуна, причинившего столько бедствий всей Японии.

Любуюсь этими соснами из окон своего дома, где под ними будет похоронен прах моего сожженного тела в заготовленной могиле, окруженной растениями, которые круглый год будут цвести.

Будет здесь и глаза кому закрыть /мне/ при смерти. /Госпожа/ Меклер, которую покойная сестра собиралась иметь в качестве сиделки, ликвидировавши свое имущество в Какакаси, вернулась к себе на родину в Нагасаки. Там она купила несколько домов и разместила свою родню. Осталась одна только сестра, за которой она уехала в Кумамото, а когда вернулась, не оказалось ни ее домов, ни родственников. Все было без остатка уничтожено атомной бомбой. Вспомнила она тогда меня и искала помощи. Я охотно предложил ей поселиться у меня, и сейчас я не знаю никаких забот о кухне и прочем хозяйстве по дому. Могу полностью с раннего утра отдаваться любимым мной работам в саду, а по вечерам спокойно слушать в исполнении лучших артистов классическую музыку своих пластинок, перечитывая одновременно газеты, которые получаю на правах «бедного родственника» от тетушки по мужу /моей/ племянницы М.Ф.Фрешковой, которой весьма признателен за такое одолжение. Почти одновременно с вдовой Меклер —

японкой Симе-сан, неожиданно появилась и племянница по пути из о. Тюбабао в Америку. Без всяких с моей стороны намеков, она оплатила всю мою задолженность под дом и теперь ежемесячно аккуратно оплачивает мои расходы, необходимые для пропитания.

Началась новая спокойная жизнь, что так к старости важно. Все было бы хорошо, если бы порой не одолевали грустные мысли о положении наших братьев за «железным занавесом».

Не могут не беспокоиться и японцы за свое будущее. Злой гений со своим «вето» в ОН /ООН-П.П./, Вышинский, враг их доступа в ОН. Под эгидой флага ОН, с его всеобщим мировым парламентом, общей армией, политикой и экономикой они смогут полностью выявить свою творческую мирную культурную деятельность, чуждую прежней агрессивности.

Благодаря угрозам Маленкова /о том/, что в его распоряжении имеются бомбы более разрушительные, чем атомные, и что Москва соединена с Нанкином непрерывным железнодорожным путем, это значит, что Китай в его полном распоряжении, японцам приходится подумать о вооружении своей страны, иначе их участь ждет та же, что и Китая.

Не успели верхи коммунизма Москвы закончить свою авантюру в Северном Китае, как они готовятся к новым выступлениям на Юге Китая, являясь угрозой для всего мира. Веры в свою собственную армию в них нет. Она легко может повернуть оружие против них же. В этом случае все их надежды на успех и полонение всего мира и обращение всех в своих рабов строятся на помощи китайской армии.

Снилось ли когда-нибудь автору этих воспоминаний, что его любимая родина станет каким-то страшилищем, пугалом для всех, в то же время и для самих коммунистов? Нет, такого кошмарного сна он не видел. Не видал его и адмирал Макаров, которому посвящены эти воспоминания. Он живо воскресает в моей памяти как надежда всех русских людей, что с его назначением командующим флотом, он сумеет компенсировать потери нашего флота под Порт-Артуром по начале войны за счет потерь японского флота. Но, к ужасу, сам он случайно погиб. Мне, командированному в его распоряжение Штабом главнокомандующего, подъезжая к Порт-Артуру пришлось слышать лишь отзвук предательской мины, которая взорвала броненосец «Петропавловск», а с ним погиб в пучинах моря и адмирал

Макаров.

Да будет могила покойнику мягкой в его родном морском царстве, с которым он вел борьбу в водах Северного Ледовитого океана, на родном ему ледоколе «Ермак», а погиб в теплых водах Желтого моря.

24 октября 1953 года

Сузурандай, Кобе.

/подпись/ П.Васкевич.